Правда во имя лжи

Автор:
Елена Арсеньева

Правда во имя лжи

Елена Арсеньева

Джеймс летел в страну своих предков, чтобы почтить память возлюбленной с красивым русским именем – Соня… Но, войдя во двор ее дома и увидев любимую живой и невредимой, он почувствовал, что его здорово провели. Брачная мошенница?! Подлый обман?! А как иначе объяснить известие о внезапной смерти девушки, пришедшее два года назад?! Тревожный ход мыслей нарушили два типа, стремительно вошедшие в подъезд за Соней. Уловив обрывки разговора, Джеймс понял, что вот-вот станет свидетелем преступления. И он решительно шагнул в полумрак подъезда…

Елена Арсеньева

Правда во имя лжи

– Вот женщина, у которой самые красивые ноги в Северолуцке и районе! – истошно заорал кто-то сзади, и Лида чуть не выронила сумку. – Привет, Золотая Ножка!

Испуганно обернулась. Парень – губастый, тощий, рыжий – смотрел на нее, как безработный инженер смотрел бы на портмоне с сотней тысяч баксов, нежданно найденное им в процессе весенней вспашки гряд на родимых шести сотках.

Под возмущенным Лидиным взором огонь в его зеленоватых глазах несколько поугас, но лишь несколько. Вытянув трубочкой свои толстые губы, он сделал ими

плотоядное: «Чмок!» – и пошел своей дорогой, то и дело, впрочем, оборачиваясь и меряя сладострастным взглядом предмет своего восхищения. Вернее, предметы – ноги-то ведь две.

Лида еле удержалась, чтобы не опустить глаза и не осмотреть со всей внимательностью эти же самые предметы. Но, во-первых, на нее и так уже пялились прохожие, а во-вторых, нет ничего глупее, чем рассматривать свои ноги сверху вниз. Даже самые отпадные подставочки покажутся кривоватыми и с подагрическими коленками. Поэтому Лида перехватила сумку поудобнее и пошла своей дорогой, размышляя над тем, какой приятный город Северолуцк и какие приятные живут в нем люди. Главное, наблюдательные: парень видел ее какое-то мгновение, а успел сделать столь значительный вывод. Это надо же – за какие-то полминуты сопоставить Лидины ноги с ногами всех местных женщин и присудить золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей» именно ей. Человек-компьютер! Наверное, в голове у него собрался солидный банк данных, и вот мгновенно…

И вдруг Лиду осенило. Да почему мгновенно-то, господи? Наверняка этому предшествовало кропотливое изучение материала. Не раз любовался молодой человек «самыми красивыми ногами в Северолуцке и в районе», не раз, конечно, выкрикивал вслед им что-то подобное.

«Золотая Ножка»! Как же она сразу не догадалась? Сонька – Золотая Ручка, знаменитая одесская воровка. А Золотая Ножка – это наверняка о ее сестрице. Сонька – Золотая Ножка…

«Значит, мы по-прежнему похожи, – подумала она почему-то испуганно, хотя, наверное, этого следовало ожидать от двойников-близняшек даже через двадцать семь лет после их появления на свет. – Меня приняли за нее, вот и все. Мои ноги – за ее!»

Она обиженно поджала губы. Выходит, и вожделение в глазах рыжего парня, и его сладострастное «Чмок!» не имели к ней, Лиде Литвиновой, никакого отношения. Все предназначалось Соне Богдановой.

Острый приступ зависти едва не заставил ее повернуть к вокзалу. Уже не в первый раз испытывает Лида это режущее чувство. Первый раз – как только прочла случайно найденное письмо Ирины Богдановой (своей родной матери,

как выяснилось) и увидела выпавшую из конверта фотографию пятнадцатилетней девчонки с длинной челкой и яркой улыбкой.

Сначала показалось, это она сама, но такой фотографии у себя Лида не помнила. К тому же глаза и губы у девчонки явно подкрашены, и в памяти мгновенно всплыло, сколько сражений ей пришлось выдержать в свое время с родителями… следовало бы уточнить: с приемными родителями! – которые ни в какую не позволяли ей выстричь челку, а тем паче – краситься, даже когда Лида собиралась на дискотеку.

Доходило до того, что она выбегала из дому пай-девочкой, потом, встречаясь с подружками в туалете на Свердловке, наспех подмазывалась их тушью, их тенями, румянами и помадой (боже упаси, даже страшно подумать, что было бы, если б у нее обнаружили собственную косметику!) перед полутемным, облупленным зеркалом, среди всех этих мерзких туалетных ароматов и под презрительными взглядами случайных посетительниц. Ну а после дискотеки смывать косметику приходилось там же – но уже в одиночестве, нервно поглядывая на часы: если Лида приходила хоть на минуту позднее десяти вечера, в доме начиналось просто-таки Мамаево побоище. А пока доберешься от ДК Свердлова до Ковалихи, где они жили, это почти полчаса, и то если будешь бежать высунув язык: на трамвае по кольцу ехать дольше, да и ходила «двойка» в те времена из рук вон плохо. Вот и получалось, что на все радости дискотеки (начало в семь тридцать вечера) Лиде оставалось каких-то полтора часа, даже меньше: пока соберутся музыканты, пока разогреется диск-жокей, пока молодежь присмотрится друг к другу…

Застарелая, полудетская обида на матушку (на «матушку»!) всколыхнулась в Лидиной душе, пока она рассматривала ту накрашенную девчонку: уж ей-то явно позволяли экспериментировать с косметикой как угодно и приходить домой хоть в полночь за полночь, ее не ждали с ремнем на площадке, и в квартире не пахло мерзко и сладко валидолом (у Анны Васильевны больное сердце, она и умерла в конце концов от сердечного приступа). У этой девчонки было несчетно парней, которые провожали ее домой и с которыми она вовсю целовалась, конечно… Не то что Лида – она поцеловалась впервые в двадцать лет, а когда решилась наконец (в двадцать пять годиков!) переспать с мужчиной, оконфузилась при этом так, что и вспоминать тошно: не нашла ничего лучшего, как в самый ответственный момент лишиться чувств от их избытка.

Герой ее романа тоже оказался слабоват в коленках и так струхнул при виде ставшего вдруг в его объятиях бесчувственным тела, что дал дёру, оставив Лиду распростертой на полу («для сексу» и пущей раскованности неопытной партнерши эксперимент проводился не в тривиальной койке, а на раскиданных в живописном беспорядке мехах, каковыми стали Лидина новенькая норковая шубка и дубленка Анны Васильевны). Может, продолжи этот красавец то, ради чего они расположились на полу, Лида пришла бы в сознание довольно скоро, однако в одиночестве провалялась не меньше двух часов, дождавшись неурочного возвращения родителей с дачи. Увидав окровавленную – пардон! – дочь, в непотребной позе лежащую на раскиданных вещичках, Анна Васильевна решила, что это грабеж, изнасилование и убийство. Она тут же рухнула рядом с Лидой с тяжелейшим приступом…

Об этом тоже неохота вспоминать, но вспоминалось всякий раз, когда Лиде взбредала в голову фантазия повторить опыт. Черта с два! Первое впечатление – самое сильное, и если кое-кто называл ее мужененавистницей, он был не так уж сильно не прав.

Лида тряхнула головой, отгоняя ужасные картины, послушно всплывшие перед глазами, и смахнула слезинку.

Вот глупость, а? Стоять посреди чужого, незнакомого города, бестолково перекладывая из руки в руку тяжелую сумку, и вспоминать дела давно минувших дней! И плакать над ними, главное, как плакала она в пятнадцать лет, выслушивая родительские попреки! Разве ради этого приехала она сюда, в Северолуцк, и разве к слезам располагало замечательное приветствие, каким встретил ее рыжий губастый парень: «Вот идет женщина, у которой самые красивые ноги в Северолуцке и в районе!» Может, он и имел в виду при этом Соню Богданову, но видел-то перед собой Лиду Литвинову, и комплимент предназначался именно ей.

Настроение слегка исправилось. Лида победно усмехнулась и пошла дальше по улице Красных Зорь, отыскивая номер 21а на домах, отродясь не знавших нумерации. И где-то на окраинах сознания билась-трепетала вороватая мыслишка, родившаяся у нее при первом же взгляде на фотографию накрашенной пятнадцатилетней красотки – ее сестры-близнеца: «Вот бы мне быть такой! Ну почему, почему Литвиновы отдали матери именно Соньку, а не меня!»

* * *

Струмилина тормознули на самом въезде в Северолуцк. Посмотрел на часы – ну ничего, время пока есть поприпираться с этим лейтенантом, настолько заморенным жарой, что на лице его появилось почти жалкое выражение, а голубые глаза казались выцветшими. Ну и шел бы себе в тенечек, не цеплялся к занятым и столь же измученным жарой водителям. Сколько в такую погоду вспыхивает опасных стычек между власть имущими и теми, кого они по службе гнут в дугу! С другой стороны, против лома нет приема, молчи, терпи и плачь, как писали классики.

Классики всегда правы.

Опасно улыбнувшись, лейтенант проверил документы, коварно подергав ремень безопасности, однако зря старался: Струмилин пристегивался всегда, надо или не надо, с тех пор, как ровно год назад чуть не погиб: водителю внезапно стало плохо за рулем, а доктор Струмилин по лихости своей пренебрегал привязным ремнем. Ваныч, бедняга, так и помер тогда от чертова тромба, ну а Андрей хоть и поломался немножко, но выжил все-таки.

– Багажник откроем, – велел инспектор, с особенным вниманием следя, как Струмилин отстегивает ремень.

Ничего интересного, кроме запаски в чехле, в багажнике не оказалось. Ее потребовали расчехлить. Потом последовал очередной приказ: дыхнуть.

Струмилин исправно дыхнул. Поскольку ничего, кроме «Саровской», он в этот день не пил, инспектор разочарованно сморщил нос.

– А теперь на меня дыхни, – предложил подошедший после проверенного им «мерса» другой инспектор – прапорщик. Даром что он в звании пониже первого – а возрастом-то куда старше, и во взгляде у него не видно усталости, а что-то необъяснимо-сволочное, как у всех инспекторов ДПС (замечательное слово «гаишник», почему-то его бросили в Лету с этим камнем на шее, именуемым ГИБДД. Вечная ему память!), желающих непременно слупить с жертвы штраф поизряднее. Карманчик на груди прапора заметно оттопыривался серо-зелененьким: похоже, водила «мерса» откупился по всем правилам.

Даже более опытный нюх прапорщика не смог уловить ничего подозрительного в выдохах Струмилина. Лейтенант поиграл желваками.

– Пойдемте, в трубочку дыхнете, – приглашающе махнул он на бунгало, где размещался пост ДПС.

– Пойдемте, – с видимой охотой согласился Струмилин, начиная размышлять, что бы это значило.

Да, пожалуй, ничего особенного. Скорее всего ребятишки, едва заступив на дежурство, уже начали заботиться, как станут снимать стресс вечерком, вот и прицепились к бедолаге с номерами другой области.

Между тем инспектора явно огорчила его готовность подвергнуться экспертизе.

– Нет, не надо, – вдруг затормозил он, сделав к бунгало ДПС всего один шаг. – Лучше покажите ваш техталон.

Струмилин и бровью не повел – показал.

– Все в порядке, – простонал инспектор, готовый признать поражение. – Извините… у вас водички попить не найдется?

Струмилин, не дрогнув ни единым мускулом, подал ему непочатую бутылку «Саровской» и с жалостью смотрел, как лейтенант хлобыщет из горлышка, постепенно возвращаясь к жизни. «Как бы ни ожил настолько, что прицепится уже всерьез!» – вспомнил Струмилин старинную сказку про Ивана, не то царевича, не то дурака, – тот тоже напоил однажды в схожей ситуации Кощея Бессмертного водичкой – на свою беду напоил!..

– Ну, что? – вопросил прапор, неодобрительно следя, как по худому лейтенантскому горлу мотается туда-сюда кадык и явно воспринимая его громкие глотки как попрание неких принципов. – Будем протокол составлять?

Лейтенант поперхнулся.

– За что? – осведомился Струмилин абсолютно спокойно, жалея при этом, что так и не собрался заиметь личного оружия, хотя, говорят, врачам дают разрешение почти без проблем.

– За езду с непристегнутыми ремнями, – сообщил прапорщик.

– Это с чего же вдруг? – не в шутку удивился Струмилин, вспомнив, как назойливо дергал лейтенант за ремень. Но в данный момент лейтенант раскашлялся, и, наверно, поэтому не возразил прапору, наставительно изрекшему:

– Но ведь когда я к вам подошел, ремень не был пристегнут!

Струмилин растерянно моргнул. Крыть нечем: прапорщик совершенно прав. Не был ремень пристегнут. Похоже, такая маленькая деталь, как то, что Струмилин в это мгновение не сидел в кабине, а стоял возле багажника, не играла никакой роли. И он опять подумал про Ивана-царевича… нет, все-таки дурака!

– Уймись, Васильев, – сказал наконец-то прокашлявшийся Кощей – в смысле лейтенант. – Все в порядке здесь с ремнем, иди вон тормозни того синего, у меня подозрение, что у него аптечки нету!

На миг в разочарованном взгляде прапора, устремленном на Струмилина, вспыхнуло вожделение: у него-то аптечку не проверили! – однако он не посмел ослушаться старшего по званию и, поигрывая жезлом, кинулся чуть ли не под колеса противно-синей «Волге», а та сразу пообещала поживу ДПС, предательски завизжав тормозами.

Возместивший недостаток влаги и обретший совесть лейтенант даже попытался вернуть полупустую бутылку. Струмилин с усмешкой махнул рукой на заднее сиденье, где лежали в пластиковой разорванной упаковке еще девять таких же бутылок:

– Да пейте на здоровье!

– Ого! – с уважением сказал лейтенант. – Крепко затарились. Дорога долгая?

– Нет, я уже практически приехал. А это – нижегородские сувениры друзьям. У вас такой воды нет.

– Значит, конкретно в наш городишко едете? – спросил лейтенант, озабоченно шныряя глазами, обретшими натуральный васильковый цвет. – Командировка или как?

«А не пошел бы ты подальше?» – осведомился Струмилин мысленно, однако вслух, неожиданно для себя, сказал правду:

– На поминки еду. Сегодня годовщина дружку моему. Я не был ни на похоронах, ни на всяких девятинах-сороковинах – в аварию попал, ну вот, надо почтить память.

Васильковые глаза лейтенанта внезапно приковались к его лицу, что-то мелькнуло в них – особенное, – и он спросил тихо:

– Это случайно не Костя Аверьянов?

Струмилин от неожиданности даже охрип:

– Он самый.

– Царство небесное, – тихо сказал лейтенант и, кинув бутылку и жезл под мышку левой руки, торопливо и умело перекрестился.

– Царство небесное, – машинально отозвался Струмилин, глядя на него во все глаза и не сумев скрыть изумления. – А вы что, знали Костю?

– Мы соседи, – пояснил лейтенант. – Были соседи, да… Сегодня жена моя собирает стол для тех, кто захочет его помянуть. Эта-то сучка Сонька никого звать не намерена, вообще сомневаюсь, что она вспомнит, какой сегодня день, ну, хоть мы… Вы Соньку видели небось, знаете, что это за птица?

– Не имел такого удовольствия, – сухо отозвался Струмилин. – Однако наслышан сверх всякой меры.

– Во-во! – хмыкнул лейтенант. – Воистину – сверх всякой меры. Так что вот: приходите к нам после девяти. Я раньше не смогу – на дежурстве. Адрес Костин знаете? Красных Зорь, двадцать один «а», квартира девятнадцать. А у нас квартира двадцать.

– Извините, не приду, – неловко отказался Струмилин. – Я нарочно еду встретиться с друзьями и сходить на Костину могилку. И нынче же вечером обратно в Нижний.

Лейтенант вытянулся, кинул ладонь к козырьку, словно в задрипанном «Москвиче» сидел перед ним какой-нибудь министр внутренних дел, а не худой парень в мятой футболке, которого он только что мучил своей гибэдэдэшной изощренностью:

– На кладбище пойдешь – передай Косте привет от Гоши Володина. От меня, значит.

– Обязательно, – кивнул Струмилин и с места взял скорость, надеясь, что «по знакомству» лейтенант Гоша не обратит внимание на первое, но такое вопиющее нарушение правил.

Жара, конечно, действует предательски, да и устал он за последнее время как пес. Это ж надо – ляпнуть такое: на поминки, дескать, приехал, и нынче же вечером – обратно. Одно из двух: или вечером сядет за руль пьяный вдрабадан – с поминок-то приличные люди в ином состоянии не уходят! – или вовсе не будет пить. А разве такое возможно?!

Просто странно, что лейтенант Гоша не обратил на это внимания. Молодой еще. Вот тот изверг в форме, Васильев, непременно обратил бы!

* * *

– Внимание, дамы и господа! Просьба пристегнуть привязные ремни и воздержаться от курения. Наш самолет пошел на снижение и через несколько минут совершит посадку в московском международном аэропорту Шереметьево-два. Напоминаем, что, в интересах вашей же безопасности, на борту по-прежнему запрещено пользование мобильными телефонами. Самолет в полосе

низкой облачности, поэтому просим извинить за неприятные ощущения. Спасибо за внимание.

Иначе говоря, возможна болтанка. Джейсон поморщился. Это не неудобства, а большая гадость! Он в принципе хорошо переносил полет, но стоило вспомнить, как трясло при вылете из Сиднея… Джейсон справился с тошнотой, но многим пассажирам потребовались пакеты. Его соседка, весьма элегантная дама бальзаковского возраста, была среди таких.

Джейсон, конечно, тактично отворачивался, однако никакого сочувствия не ощущал. Ведь еще в аэропорту Сиднея эта пассажирка обратила на себя его внимание своей подчеркнуто ледяной, даже брезгливой ко всему окружающему физиономией, да и потом, оказавшись его соседкой, держалась отчужденно, даже не ответила на любезное приветствие, а только стала еще надменнее.

«Возможно, она опасается моих сексуальных домогательств? – подумал Джейсон. – Ведь эта феминистская американская мода доползла и до тихой, патриархальной Австралии! Или, чего доброго, лесбиянка-мужененавистница? От такой лучше держаться подальше». И он оставил все попытки казаться приятным.

Потом, впрочем, лед тронулся. Дама чувствовала себя столь неловко, что сама начала робко любезничать с ним. Они даже разговорились, и эта Келли Рассел оказалась настоящей болтушкой, а никакой не мужененавистницей! В конце концов Джейсон узнал о причине ее необычной сдержанности и холодности.

Оказывается, Келли – а она направлялась в Россию впервые в жизни – специально предупреждали насчет этих так называемых «новых русских», которых в наше время расплодилось по миру в несметном количестве, совершенно как кролики. Всем известно, что кролики в середине века оказались настоящим бичом Австралии, от них, вернее, от их фантастической плодовитости не было никакого спасения. Завезенные некогда из Англии в качестве напоминания о родине-доминионе, эти милые пушистые зверьки сделались настоящей угрозой для знаменитого австралийского овцеводства, поскольку уничтожали пастбища. А ведь климат Австралии отличается большой причудливостью, и если вдруг наступает засуха – не жди приплода овец. Теперь же к засухе добавились кролики. Пришлось повозиться, прежде чем с помощью миксоматоза удалось избавить континент от этой «славной пушистой» пакости! И то – кролики не раз мутировали, приспосабливаясь к ожесточившейся против

них жизни, прежде чем количество их все-таки уменьшилось.

По мнению миссис Рассел, «новые русские» столь же опасны. Это раньше, когда «железный занавес» только-только упал и они бросились в страны цивилизованного мира, их можно было сразу узнать. Как правило, они чрезмерно толстые, громкоголосые, носят нелепые малиновые пиджаки, за все платят наличными, причем достают пачки долларов из карманов и швыряют на стол не считая. Пальцы они при этом держат растопыренными – веером, как говорят сами русские. Таких особей можно легко выделить в толпе и держаться от них подальше. Но времена изменились. Русские изменились тоже. Теперь они – не все, конечно, а самые умные, то есть самые опасные! – похудели, вставили хорошие зубы, выучили английский (вернее, американский) язык, носят элегантные костюмы и обувь из настоящей кожи. Теперь они не расшвыривают деньги в пределах свободного мира, а наоборот – норовят обобрать его как только могут.

Накануне отлета «в эту варварскую Россию» Келли Рассел выслушала не менее полусотни жутких историй о том, как элегантные, обаятельные джентльмены втираются в доверие к привлекательным австралийским бизнес-вумен, прельщая их блестящими проектами выгоднейших инвестиций в самые стабильные отрасли полуживой российской промышленности. Русские, по словам приятельниц Келли, выманивают у вас деньги с ловкостью Дэвида Копперфильда, крадущего статую Свободы или «Восточный экспресс». Причем если жуликоватый красавчик Дэвид в конце концов возвращает похищенное имущество (да и не крадет он ни статую, ни экспресс, все это просто обман зрения, как известно!), русские не только ничего не возвращают одураченным леди, но и сами исчезают – с такой же ловкостью, с какой Копперфильд проходит сквозь Великую Китайскую стену. Знакомиться эти пройдохи почему-то предпочитают именно в самолетах, отчего Келли заранее надела на свое хорошенькое личико ледяную маску. Джейсон еще в аэропорту показался ей подозрительно элегантным, а уж когда она услышала, как провожающий называет его «мистер Полякофф», то и решила, что начинают сбываться самые мрачные прогнозы ее приятельниц.

– Да, моя фамилия Полякофф, – сказал Джейсон. – И – вы только, ради бога, не пугайтесь, миссис Рассел! – во мне в самом деле есть толика русской крови! Ведь родители моего деда некогда вывезли его в Новый Южный Уэльс – это произошло в самом начале столетия. У деда был совместный бизнес с австралийскими овцеводами, а эти вложения помогли ему сохранить капиталы

потом, когда богатые люди в России лишились всего, до последнего гроша. Фирма же «Полякофф и Туитмен» (так звали австралийского партнера) процветала и называется теперь просто «Вуул Полякофф».

– О, так вы тот самый «шерстяной Полякофф»! – вспомнила в это мгновение Келли, и лицо ее окончательно прояснилось.

– Да, – кивнул Джейсон, – тот самый. Поэтому меня совершенно нечего бояться. Да и русский-то я всего лишь на четверть, потому что и дед, и отец женились уже на австралийках. А мои дети – если у меня когда-нибудь будут дети…

– Как? – перебила его Келли, необычайно вдруг оживившись. – У вас нет детей?! Но почему? Ах, извините мою нескромность, сэр…

– Охотно извиняю, – легко улыбнулся Джейсон. – А детей у меня нет прежде всего потому, что я не женат.

– Иисусе сладчайший! – выдохнула Келли, из чего Джейсон сделал вывод, что его собеседница – католичка. – Какая… какая необыкновенная удача!

Тут же она прикусила язычок, но в карих глазах ее собеседника мелькнула усмешка.

– О, поймите меня правильно, – забормотала Келли, смутившись. – Вы деловой человек, вы знаете, что если не ловить удачу в самых неожиданных местах, то никогда ее не поймаешь. Видите ли, у меня в Сиднее – брачное агентство. О, совсем небольшое, конечно, не то что «Феличита» или «Вайт бёрдз», однако оно пользуется популярностью у клиентов среднего класса. И, возможно, мистер Полякофф слышал, что на русских невест сейчас во всем мире, в том числе – в Австралии, огромный спрос. И многие австралийские холостяки и вдовцы пытают счастье наудачу, посылая свои брачные объявления в русские газеты. Однако, увы, в России жулики – не только мужчины, но и женщины. Не передать, сколько раз доверчивые австралийцы сталкивались с такой ситуацией: они получают фотографию прекрасной женщины (а некоторым даже присылали видеопленку, чтобы окончательно заморочить голову!), очаровываются ею, решаются на личную встречу и высылают предполагаемой невесте оплаченный билет до Австралии и даже немалую сумму на первоначальные расходы. И на этом история заканчивается. Ни невесты, ни – это уж само собой! – возврата денег.

Конечно, может такое случиться, что девушка вдруг заболела или умерла…

Келли так увлеклась своим повествованием, что даже не заметила, какая тень пробежала вдруг по лицу ее внимательного слушателя.

– Однако, как правило, налицо типичное брачное мошенничество. Скажем, не раз и не два бывал такой случай: вытянув деньги из одного доверчивого австралийца, авантюристка сдает присланный ей авиабилет, увеличив, таким образом, свой капитал, и быстренько посылает фото и видео другому жениху. Такой фокус недавно вскрылся, когда некая особа принялась морочить голову одновременно двум кузенам. Ох как возмущались эти господа, имевшие неосторожность прельститься «настоящей русской красавицей»! Я много лет знаю этих джентльменов, и их печальная история навела меня вот на какую мысль. Наше дело нельзя пускать… как это по-русски? – нельзя пускать на самотек. Необходима прочная связь с российскими брачными агентствами. Я с большим трудом нашла людей, которым, кажется, можно доверять, и сейчас лечу в Москву именно для того, чтобы лично договориться о взаимовыгодном сотрудничестве…

Вдруг ее осенила мысль, такая великолепная, что Келли едва не захлебнулась от восторга.

– Вы очень привлекательны внешне и еще весьма молоды, – выпалила она. – Вам… сколько? – Келли обмерила соседа жадным взглядом. – Сорок… э-э?

– Тридцать девять, – слегка приподняв брови, холодно сообщил тот. – На днях исполнилось.

– Вы выглядите значительно моложе, – профессионально соврала Келли. – И если многоуважаемый сэр желает… он вполне может стать первым клиентом будущего агентства «Рашен старз». У вас отбою не будет от невест! Причем эту услугу мы окажем вам бесплатно. Ваше имя станет в Австралии такой рекламой, что окупит все расходы!

Тут Келли вдруг спохватилась. Кажется, она несколько переувлеклась… Мистер Полякофф глядел на нее с каменным выражением.

«Пресвятая Дева, – мысленно осенила себя крестом Келли, – а что, если это гей?! О… как же я сразу не догадалась!»

Мистер Полякофф проницательно усмехнулся.

– Я знаю, что вы подумали, – сказал он спокойно, без тени упрека. – В наше безумное время, увы, в каждой независимой женщине и одиноком мужчине невольно видишь поборников нетрадиционной любви. Уверяю вас, я вполне нормальный человек, с нормальными пристрастиями. Не слишком, может быть, темпераментный и чрезмерно разборчивый – это да. У меня есть страстное увлечение, однако оно не имеет отношения к сексу. Я, видите ли, заядлый коллекционер русского искусства начала столетия – в России это время называется Серебряным веком. Собственно, именно в связи с этим и лечу в страну моих предков. И мне – простите великодушно и поймите правильно! – сейчас не до того, чтобы устраивать свою личную жизнь. Кроме того… – В глазах его вдруг плеснулась такая тоска, что Келли это наконец заметила. – Кроме того, именно с «русскими невестами» связано одно из самых печальных, самых горестных воспоминаний моей жизни.

Джейсон помолчал, потом неожиданно для себя сказал:

– Открою вам секрет, чтобы уж окончательно расставить все точки над «и». Я лечу в Россию также и для того, чтобы почтить память женщины… единственной, может быть, женщины, которую я в своей жизни любил.

И только тут Келли обратила внимание, что ее загадочный спутник одет в строгий, даже мрачный черный костюм и вид у него в самом деле совершенно такой, как если бы он собрался на похороны.

* * *

Лида довольно долго стояла перед этой дверью сейфового типа с цифрой 19, не решаясь позвонить. Потом осмелилась – тренькнула и опять долго ждала.

Позвонила снова. Очевидно, дома никого нет. В самом деле, почему Соня должна в середине обычного буднего дня дома сидеть? Осечка вышла! А драгоценное время уходит. На сегодня еще столько намечено…

Лида вдруг ощутила, что ее кто-то разглядывает. И, похоже, довольно давно.

Она испуганно обернулась, но площадка и обе лестницы оказались пусты. Три другие двери – обыкновенные, деревянные, крашенные в отвратительный коричневый цвет – были глухие, без глазков, глазок имелся только на сейфовой, и Лида наконец-то сообразила, что именно через этот глазок на нее кто-то пристально, изучающе смотрит, а это значит, что в квартире номер 19 люди все же есть. Сердито вспыхнув, она снова потянулась к звонку, и в этот момент за дверью началось скрежетание и ворчанье открываемых замков, а потом дверь распахнулась, и на пороге возникла высокая девушка в коротком и узком бирюзовом халатике. Уставившись на Лиду смеющимися глазами, она нервно отвела со лба челку (челку!) и произнесла:

– С ума сойти!

Потом она схватила Лиду за руку и сильно дернула, втаскивая в квартиру. Тотчас вырвала у нее сумку, брякнула куда-то на пол, наскоро чмокнула Лиду в щеку, обдав ароматом невероятно приятных, незнакомых духов, и махнула вдоль длинного темного коридора, в который выходили две двери. Жестами девушка с челкой показала Лиде, что в первую дверь она входить не должна, а должна войти во вторую. При этом глаза ее все время смеялись, и Лиде тоже вдруг сделалось очень смешно, и вообще было нечто необыкновенно естественное в том, что она вот так стоит рядом с сестрой-близнецом, которую с рождения не видела, а ощущение такое, будто и не расставались никогда, и вся жизнь их прошла рядом.

– Сонечка! – вдруг донесся из глубины квартиры встревоженный женский голос. – К вам кто-то пришел? Вы где?

Соня сделала Лиде страшные глаза и снова махнула рукой вдоль коридора.

Та кивнула и послушно пошла – почему-то на цыпочках: наверное, потому, что от волнения забыла о домашней привычке разуваться у порога и не хотела стучать каблуками.

– Все в порядке, Людмила Григорьевна, – отозвалась Соня, тщательно запирая дверь, и Лида с новым волнением услышала ее – свой! – голос. Очень приятный

голос, надо сказать. Совсем не такой писклявый и неестественный, каким он казался в записи. С другой стороны, кто может говорить нормально, если знает, что его в это время записывают на магнитофон? Лида, например, не могла. – Это соседка приходила денежку занять. Пенсию, сабо самой, задержали, а мне разве жалко?

– Добрая вы душа, Сонечка, – уже успокоенно, размягченно отозвалась Людмила Григорьевна – и почему-то испуганно ойкнула.

Лида знала, почему она ойкнула. И сама-то еле удержалась от испуганного восклицания, по забывчивости сунувшись в ту самую дверь, куда ей не позволяла войти Соня, и увидав в зеркале напротив жуткое, неподвижно-белое лицо со вздыбленными волосами. Обладательницей этого лица и волос оказалась дебелая дама неопределенных лет, облаченная в какую-то странную одежонку, едва прикрывавшую пышную грудь и не доходившую до пухлых колен. Дама в вольготной позе полулежала на высокой узкой кушетке вся освещенная чрезмерно ярким светом ногастой лампы. Рядом громоздилась металлическая этажерочка, уставленная баночками и бутылочками.

Лида только окинула комнату мгновенным взглядом – и отпрянула, испуганно оглянувшись на сестру. Та грозила ей кулаком одной руки, а другой зажимала рот – такое впечатление, чтобы не прыснуть со смеху.

Впрочем, голос ее был совершенно спокоен, когда она вошла в комнату и произнесла:

– Что случилось, Людмила Григорьевна?

– О господи, Сонечка, – все так же испуганно отозвалась дама. – У меня от жары, что ли, глюки начались, верите? Вдруг почудилось, что вижу вас в дверях, но одеты вы иначе, в какую-то серую юбку и черный пиджак, прямо как призрак… Вы мелькнули – и исчезли. И вдруг входите снова вы!

– Ей-богу, то была не я, – не погрешив против истины ни словом, поклялась Соня. – Это небось у вас глючок небольшой. Душновато здесь, вам не кажется? Может, проветрим маненько?

– Нет, но у нее совершенно ваше лицо! – упорствовала дама. – И фигура ваша, и волосы. Появились вы, совершенная вы! Или ваш близнец.

– Людмила Григорьевна, да бог с вами, – уже с оттенком нетерпения буркнула Соня. – Близнец отпадает в полуфинале. Вы же сто лет знали матушку – я у нее единственная страдалица. Дальше: сами подумайте, разве я могла бы переодеться за две секунды в пиджак с юбкой и обратно? И я вроде бы не больная, чтобы таскаться в такую жару в пиджаке!

– Вроде бы нет, – как-то не очень уверенно согласилась Людмила Григорьевна.

– Вот и ладненько, – закончила этот разговор Соня. – Лягте-ка, я вам масочку сниму. Вы же хотели побыстрее уйти, да и меня сегодня время поджимает.

В соседней комнате Лида мысленно хлопнула себя по лбу.

Ну конечно! Физиономия дамы потому имеет столь дикий вид, что вымазана косметической маской! Пожалуй, парафиновой. И этот странно высокий стол, и этажерка, и лампа с причудливо изогнутой ножкой – непременные принадлежности косметического кабинета. Ее сестра – эти слова звучали непривычно до дикости – Соня Богданова завела на дому косметический салон. И этим, очевидно, зарабатывает себе на жизнь.

Кстати, почему она все время называет сестру Соней Богдановой? Хоть у близнецов, судя по книжкам, судьбы складываются весьма похоже, однако совсем не обязательно, чтобы Соня до двадцати семи лет оставалась одинока, как и Лида. У нее, возможно, другая фамилия. Просто чудо, что она живет по тому же самому адресу, какой был указан в письме Ирины Богдановой. Мужа Сониного, правда, не видать, да и вообще – в комнате, которую оглядывает Лида, ничто не указывает на присутствие мужчины. Нормальная чисто дамская комнатенка, обычная мебель, обычные безделушки, много картин, все больше пейзажи русские, очень красивые, без вывертов, без сюров, порядком осточертевших Лиде, а она немало-таки общалась с разно-всякими художниками. Эге, а это что такое? Это не пейзаж, а вырезанная из какого-то альбома или календаря и пришпиленная к обоям портновскими булавочками репродукция малоизвестной картины Серебряковой «Прощание славянки».

Да, Серебрякова неистово входит в моду, теперь на Сотби за нее дают сумасшедшие деньги. Интересно, знает об этом Соня или ей просто нравится картина, как нравится, к примеру, Лиде? Конечно, женщина на картине, эта вдова, за спиной которой пылает погребальный костер мужа, – вылитая Соня. Или вылитая Лида… Вряд ли они обе позировали Зинаиде Серебряковой – в начале-то нашего века! – просто натурщица на них страшно похожа. Все-таки есть, наверное, что-то в этих россказнях о переселении душ или двойниках, прошедших сквозь время.

А еще что-то, безусловно, есть в рассказах о странном сходстве близнецов, даже если они выросли далеко друг от друга! Взять хотя бы эту картину, – она нравится им обеим. И еще – у Лиды прямо-таки мурашки по коже пробежали, когда Соня сказала: «сабо самой» вместо «само собой». В точности как Лида – с детства нарочно коверкала язык, вот и пристало на всю жизнь. Так же, как «маненько» вместо «маленько». Сколько ни билась матушка, сколько Лида сама потом ни следила за собой – так и не смогла искоренить эти накрепко прилипшие словечки.

Господи! Да ведь Соня точно так же, как Лида, говорит не «мама», не «мать», а «матушка». И если она к тому же обожает абрикосовый компот – это вообще – туши свет!

Лида вдруг вздрогнула, оглянулась – и обнаружила, что Соня стоит, опершись о притолоку, и пристально смотрит на нее. Задумавшись, Лида ничего не слышала: ни звука закрываемой двери, ни шагов по коридору. И сколько времени, интересно знать, длится это разглядывание?

– Только что вошла, – сказала Соня, и Лида даже вздрогнула. А может, она невольно спросила вслух? – Проводила клиентку – и сразу к тебе. Ты давно знаешь?

Не было нужды уточнять – о чем.

– Недели две. Хотела приехать сразу же, как нашла письмо Ири… то есть нашей матушки.

– Письмо?! Да как же Анна Васильевна его сохранила? Мать иногда – из чистой вредности, сабо самой! – пыталась писать Литвиновым, но безответно. И тебе об

этом, конечно, никто ни гугу?

– Никто. Я сразу хотела расспросить отца – в смысле, Дмитрия Ивановича. Но не успела, он умер. Сама понимаешь, похороны, девятины… а как только освободилась, приехала сразу. А ты?

– Да уж давненько, небось лет восемь-десять, – усмехнулась Соня, все так же опираясь о притолоку, словно опасаясь приблизиться к Лиде. – Вру – одиннадцать! Мне как раз исполнилось шестнадцать, и матушка вдруг ни с того ни с сего потащила меня на один день в Нижний. Как с печки упала! С вокзала, помню, поехали на площадь Свободы, а оттуда еще немножко прошли – и вышли к такому задрипанному панельному дому на Ковалихе. Умора, а не название, это просто ужас, что такое. И матушка вдруг говорит с этаким надрывом – а в ней, надо тебе сказать, умерла великая актерка, ее хлебом не корми, только дай чего-нибудь отмочить с надрывом! – говорит, стало быть: «Вот в этом доме живет твоя родная сестра, и вы похожи с ней как две капли воды, но мои грехи разлучили вас еще в младенчестве, и вы не увидитесь с ней никогда, никогда!»

Все эту тираду Соня произнесла с нелепыми ужимками и округлившимися глазами, бия себя в грудь и неестественно вибрируя голосом, однако Лида даже ахнула, до того ясно представила себе вдруг эту женщину, не виденную никогда в жизни: свою родную мать…

– Ну, я, естес-сно, говорю: «Что за чушь? Почему никогда? Какой номер квартиры? Пошли, навестим сестричку! Вот подарочек ей сделаем ко дню рождения!» Тут матушка чуть на колени передо мной не бахнулась и, рыдая очень натурально, сообщила, что дала страшную клятву «этим святым людям», – она и так принесла им очень много зла, – и никогда, ни за что не позволит нам с тобой увидеться, чтобы не надрывать твоей души. Прямо-таки мексиканский сериал, да? Ну, я настаивала, чтобы нам встретиться, как бы невзначай, а она била себя в грудь и всяко гримасничала. Наконец устала кривляться и сообщила, что Литвиновы каждый месяц присылали матушке немалую сумму откупного, чтобы она сама не вздумала надрывать твою душу, на которую ей, сказать по правде, наплевать с высокой башни. Как и на мою, впрочем. То есть под всякой надстройкой всегда имеет грубый экономический базис, как нас и учили в школе.

– А потом?

– Ну, что потом? – пожала плечами Соня. – Мне сразу расхотелось с тобой видеться, как только я поняла, что в этом случае наши доходы сойдут на нет. Матушка-то ни дня нигде не работала, теперь мне стало ясно почему. Перестанут Литвиновы платить – придется мне вместо медтехникума идти работать, содержать и матушку, и ее хахалей, а она их как перчатки меняла. А мне очень хотелось учиться и, главное, поскорее стать самостоятельной, уехать из дому, плюнуть на всю эту пакость. Я заткнулась, матушка утерла слезки – и мы побежали на автобус, чтобы успеть на дневной поезд – тогда еще поезда в Москву днем ходили. Ехали, помню, в таком гробовущем молчании, и я все время думала: «Ну почему, почему Литвиновы отдали матушке именно меня, а не Лидку?!»

– Что, серьезно? – усмехнулась Лида, вспомнив полудетские обиды на родителей и свои собственные мысли на ту же тему. – Так было тяжело с ней?

– Не столько с ней, сколько с ними, – подчеркнула голосом Соня. – Вотчимов, как раньше говаривали, у меня столько сменилось – не счесть, натурально не счесть. Смешались в кучу кони, люди… Ей-богу, на улице встречу – не узнаю. Хотя они, впрочем, все какие-то мимоезжие. Транзитом семейную жизнь вели! Запомнился только один, последний.

– Он что, был хороший человек, раз ты его запомнила? – спросила Лида.

– Да так, ничего особенного, – отмахнулась Соня. – Простой обыкновенный маньяк. Таких, наоборот, надо поскорее забывать, а я вот помню. Наверное, потому, что он поклялся меня прикончить. Да не дергайся! Дело давнее, я сначала ждала-ждала, а потом поняла: кто грозит, тот не опасен.

– И… за что? – боязливо прошептала Лида.

– А я объяснила матушке, ради кого на самом деле он живет в нашей квартире, – криво улыбнулась Соня. – Вот так вот. Она нас обоих потом и выгнала с криками и воплями, только меня вскоре обратно позвала, потому что без меня мужики в ее сторону и смотреть не хотели, а его на порог больше не пустила. Но ладно, это неинтересно. Ты говоришь, твой отец – ну, приемный отец – умер? Почему?

Лида слегка поморщилась. Она понимала, что без этого вопроса не обойтись, но кто бы знал, до чего не хотелось об этом говорить!

– Отравился грибами.

– Что?! – Соня побледнела. – Как? Каким образом?!

– Ну как грибами травятся… – дрожащим голосом проговорила Лида. – Очень обыкновенно! Он же был на пенсии и все лето, с апреля по октябрь, проводил в саду, там у нас домишко такой хиловатый в садово-огородном кооперативе. Я когда приезжала на выходные, когда нет, у меня же работа не нормированная. Да я эту дачу по жизни терпеть не могла! Отец сам себе готовил. А тут черт меня как раз принес – будто нарочно! Отец говорит: надоело на картошке да макаронах сидеть, схожу в лес – как раз грибы пошли. Ну и набрал то ли ложных опят, то ли поганку зацепил вместе с сыроежками. Пожарь, говорит, мне. А я вообще в грибах не разбираюсь, я их и не ем никогда, гадость такая скользкая, ненавижу…

– Я тоже, – шепотом сказала Соня, и ее передернуло совершенно так же, как передернуло Лиду.

– Ну, раз просит, поджарила. А потом заспешила непременно к вечеру вернуться в город, в том клубе, где я работаю, сезон начинается не в сентябре, а в августе, и как раз вечером было открытие. Умчалась, а через три дня меня нашли с милицией… Он надеялся, видно, отлежаться, никому из соседей ничего не сказал. А потом уже поздно стало.

– Да, – протянула Соня. – Не слабо!

– Слушай, – с искусственным оживлением спросила Лида, – а ты вместе с матерью живешь или как?

– Или как. Ты разве не в курсе, что матушка наша общая тоже ушла к верхним людям?

Сказать, что голос Сони звучал при этом известии равнодушно, значило не сказать ничего.

– Да ты что? А как же?.. Но ведь я ехала, чтобы с ней повидаться после всех этих лет… – Лида ошеломленно покачала головой.

– Повезло тебе, сестричка, что не застала ее. Матушка последние годы являла собой весьма печальную картину. Уж на что муженьку моему, Косте, все в жизни было глубоко по фигу, но и у него порою отказывали тормоза терпения.

– Ага! – оживилась Лида. – Значит, ты все-таки замужем!

– О-ой! – Соня обморочно закатила глаза. – У нас не разговор, а мартиролог какой-то получается, честное слово. Смеяться будешь, но только Костенька Аверьянов, супружник мой дорогой, тоже… того-этого…

– Какого? – свела брови Лида. – Какого – этого?

– Он умер ровно год назад, – с усилием оборвав истерический смешок, сухо, по-деловому, сказала Соня. – День в день. Отравился. Что характерно, грибами. Вот, полюбопытствуй.

Она не глядя сняла с полки и сунула Лиде пачку каких-то фотографий. Кладбищенские жутковатые виды. Молодой человек в гробу – красивый даже мертвый, белокурый такой. Злое, затравленное Сонино лицо – на всех фотографиях она держится как-то в стороне от гроба. А это, надо полагать, поминки. Разнообразные женские лица над винегретами и блинами.

– Родня его, что ли? – тихо, сочувственно спросила Лида.

– Нет, сослуживицы. Котик мой трудился в охране местного художественного музея. Старые грымзы! Его они обожали, а меня терпеть не могут. Да меня чуть ли не весь городишко терпеть не может. Находились даже майоры Пронины, которые пытались повесить Котькину смерть на мою нежную шейку, но, сабо самой, ничего у них не вышло. К их великому огорчению, у меня на тот день оказалось железное алиби, пусть и не очень-то приличное. А, плевать!

Соня помолчала, опустив глаза, делая какие-то странные движения руками. Лида посмотрела – и вспомнила старинное выражение, которое прежде встречала только в романах: «ломать пальцы». Только теперь ей стало понятно, как это выглядит.

Вдруг Соня резко потерла руки и вскинула на сестру глаза.

– А, плевать! – повторила с искусственным оживлением. – Ближе к делу. Ты знаешь, сегодня, когда увидела тебя на площадке, поняла, что бог – есть. Есть он! И откликнулся на мои молитвы. Ты фильм «Щит и меч» смотрела?

– Сонь, я что-то не понимаю…

– Потом поймешь, – оборвала сестру Соня. – «Щит и меч», говорю, смотрела или нет?

– Это где молодой Любшин? Смотрела разок, – промямлила Лида, совершенно ошарашенная. Получается не встреча двух сестер, а какие-то поминки!

– Ты – разок, а я, наверное, десять разков. Там песня в конце поется классная. Все знают «С чего начинается Родина?», а эту мало кто помнит. Между тем в ней четко выражена просьба, с какой я намерена к тебе обратиться, дорогая сестричка.

Соня негромко пропела, заглядывая в глаза сестре:

Давай с тобою поменяемся судьбою,

Махнем не глядя,

Как на фронте говорят!

И усмехнулась, наблюдая, как вытягивается от изумления Лидино лицо:

– Да не навсегда, родная. Только на один вечерок.

* * *

Раньше Аня Литвинова весьма скептически относилась к рассказам о семьях, которые рушились из-за бездетности. Они с Димой женились по такой безумной любви, о какой не грех и роман написать, день свадьбы был для них счастливейшим днем жизни, в шлейфе которого полетели столь же счастливые дни, недели, месяцы, годы… Для них не существовало остального мира, его повседневных забот.

Подружки Анины, вышедшие замуж гораздо позже, уже вовсю трясли колясочками в скверах и палисадниках и хвастались необыкновенностью своих первенцев, потом вторых детишек, а Аня почему-то все никак не беременела. Не больно-то она и страдала, если честно, потому что Дима стал для нее всем на свете: и мужем, и любовником, и отцом, и сыном, и даже задушевной подружкой – самой лучшей из всех! Все случается, как должно быть, думала она с блаженным фатализмом, правильно мама утешала когда-то плачущую от зависти к цветущим подружкам болезненную, невзрачную Анечку: «Суженого конем не объедешь!» Вот она и не объехала своего ненаглядного Димку. И ребеночек у них еще появится – когда придет время.

Однако время это почему-то никак не приходило, а годы – они шли, и однажды Анечка вдруг с изумлением обнаружила, что со дня их свадьбы миновало уже пять лет.

– Слушай, давай заведем ребенка, – сказал ей Дима той ночью, когда, вернувшись из ресторана, где отмечали свой первый юбилей, они упали в постель и радостно занялись любовью. – Тут у нас один парень в отделе сына родил – тако-ой экземпляр выдающийся. Все-таки хорошо, когда есть дети, правда?

– Мужики всегда хотят сына, – целуя его в плечо, усмехнулась Аня. – А вдруг родится дочь?

– Согласен на дочь! – с тем же энтузиазмом воскликнул Дима. – Одна наша сотрудница – она опять в декрете – приносила показать свое произведение. Мариночкой зовут. Я прямо влюбился. Такой пушистик кудрявенький, ручки-ножки в перевязочках, щеки просто-таки на плечах лежат.

– Ага, а потом придется этой Мариночке на диетах сидеть до изнеможения, – усмехнулась Аня и построжавшим голосом спросила: – Не поняла, в кого ты все же влюбился: в Мариночку или Мариночкину маму?

– Вот в кого! – припал к ней Дима, и ночь юбилейная началась, и минула, и все было необыкновенно прекрасно, однако где-то на окраине сознания поселилась тревога: Дима начал думать о детях, обращать на них внимание, выходит, ему чего-то не хватает для полного счастья, ему уже мало одной Ани?

С этих пор они неосознанно, а может, и сознательно не просто любили друг друга, но «заводили ребенка». Иногда Ане казалось, что после восторга, испытанного ею в объятиях Димы, просто невозможно не зачать, и она начинала присматриваться к себе, прислушиваться – однако впустую.

Что за чертовщина? Неужто у кого-то из них не все в порядке с этим делом?

Прошел еще год. И однажды Дима, последнее время заметно озабоченный (он отговаривался тем, что конец квартала и года, а их отдел задерживает отчеты), пришел домой с охапкой белых гвоздик (где только раздобыл? В конце 60-х в городе Хабаровске гвоздики зимой – сущая фантастика!) и, вручая их жене, сообщил, что у него замечательная новость: он сдавал анализы и сегодня получил результат. Отличный результат!

– Какие еще анализы? – испуганно спросила Аня: Диму мучил застарелый бронхит, неужели он думал, что это туберкулез?!

– А, насчет бездетности, – легким голосом сказал муж. – Вроде бы у меня все в порядке! А то я здорово комплексовал, если честно!

Аня чуть в обморок не упала. Почему-то вообразила, как Дима проводит эксперимент своим способностям по зачатию детей: весомо, грубо, зримо. Даже захотелось спросить: ну и кто, дескать, у тебя, мальчик или девочка? Однако тут же до нее дошел главный смысл слов мужа. Если у них нет детей, а супруг вполне здоров, то чья вина в таком случае?

Она испуганно воззрилась на Диму, но глаза его были такими любящими, руки такими ласковыми, что от сердца отлегло: он ни в чем не винит свою Анечку, он по-прежнему уверен, что им пока не повезло, но повезет вскорости, а к врачу ходил только потому, что он такой совестливый и предупредительный. Не зря грубоватая Анина тетка сказала, едва познакомившись с Димой: «Ну, Анька, этого теленка ты всю жизнь будешь на веревочке водить!»

Так оно и случилось, если честно, однако сейчас Аня вдруг ощутила, что веревочка-то может и оборваться…

Разумеется, они немедля залегли в постель и отметили положительный результат Диминых анализов самым привычным и самым излюбленным

способом.

– Ну я не знаю, – задыхаясь, проворчал Дима, когда смог наконец издать хоть один членораздельный звук. – Если уж от этого ребенок не заведется, тогда непонятно, чего ему вообще надо!

Аня засмеялась, но оборвала смех, чтобы Дима не уловил отчетливой истерической нотки, прозвучавшей в ее голосе. Рано утром она вместо педтехникума, в котором преподавала русский язык, пошла в женскую консультацию.

Спустя час, на ватных ногах выбравшись из кабинета врача, она по стеночке дошла до гардеробной и долго переобувалась из больничных тапочек в сапоги, а потом так же долго надевала пальто. Санитарка, пившая в гардеробной чаек и с жадным любопытством наблюдавшая за ее неверными движениями, наконец не выдержала.

– Что, залетела, подруга? – спросила она с фальшивым сочувствием. – И большой срок?

– А муж в командировке был, что ли? – присоединилась гардеробщица, опытным глазом меряя Анину талию. – Неужели не берут на аборт? Пижмы надо попить, может, поможет?

– Пижмы? – тупо повторила Аня, с трудом шевеля губами. – Ладно, попью…

И так же, по стеночке, вышла из консультации.

Ледяной ветер ударил по лицу и привел Аню в себя. Она даже смогла улыбнуться, наконец-то постигнув смысл доброхотства санитарок: те ведь сочли ее обычной неосторожной бабенкой, забеременевшей от любовника, а «пришить» это дело мужу нет никаких шансов. А между тем дело обстояло с точностью до наоборот! «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!» – кто это сказал с таким глубоким, таким трагическим знанием дела?

Аня повернулась спиной к ветру и пошла на остановку. Сзади засигналил автомобиль, выруливший из-под арки. Она неуклюже метнулась в сторону, только чудом вывернувшись из-под колес грузовика, да так и застряла в сугробе, вдруг подумав, как было бы замечательно, если бы водитель не дал себе труд посигналить – и наехал на нее. К примеру, мела бы метель, он бы не заметил Аню… Впервые мечта о смерти посетила ее – как мечта о спасении. От позора и горя. От уныния и одиночества, что ждут ее теперь. Ведь Дима ее наверняка бросит, когда все выяснится.

Умереть – и никто ни о чем не узнает. Умереть – и ничего не объяснять Диме!

Бедняга, сколько он натерпелся позора и беспокойства с этими анализами, а все зря. Он изначально был ни при чем. Но вот интересно: женился бы он на Ане, если бы знал, что она бездетна?

* * *

– Эта тварь должна умереть, – тихо, без выражения, сказал Валера. – Удивительно, что ее до сих пор земля носит.

– Ну, милый, – хмыкнул Пирог. – Она, многотерпеливица, и не таких носит. Сонька – это еще детский лепет.

Струмилин вскинул брови. По уверениям Валеры, в тех фотографиях, какие якобы стали причиной самоубийства Кости Аверьянова, детского было столько же, сколько чаю «Липтон» – в ядерной боеголовке. Струмилин этих фоток пока не видел, только слышал о них, однако, клялся Валера, у каждого мужика, кто такого счастья сподобился бы, волей-неволей возникла бы мысль: а как он сам поступит, если узнает такое о своей жене?

Небось сто из ста сказали бы: «Убью!» Но девяносто девять из этой сотни присовокупили бы: «Эту суку!» Костя же…

Вот именно.

Валера уверял, что известие о тайных забавах Сони Аверьяновой оказалось просто-напросто последней каплей в чаше терпения ее мужа. Однако

Струмилин, которому по долгу, так сказать, службы частенько приходилось иметь дело со всеми и всяческими суицидами, насчет самоубийства очень сомневался. Отравиться грибами нарочно – это, мягко говоря, хлопотно. Хлопотно, мучительно, неэстетично и не шибко быстро. Правда, наверняка. И поди докажи, сам человек наелся поганок или ему кто-то их в жареху подсунул. Эти бытовые отравления всегда можно толковать двояко.

Вот, к примеру, чемеричная вода.

Всякий врач «Скорой помощи» сталкивается с отравлением чемеричной водой достаточно часто. Как правило, карету вызывает заботливая жена: что это с моим благоверным? Хлещет из него отовсюду, слабость, пульс еле-еле, ну просто помирает, страдалец, спасите его для меня! Обычно одного взгляда хватает опытному человеку, чтобы понять: весь этот переполох учинила сама супруга, хотя и взирает сейчас перепуганными глазками. Врач отводит ее в сторонку или на кухню выводит, чтобы не слышал страдалец, и начинает пытать с пристрастием: в каком количестве давала она супругу известное средство от педикулеза (проще сказать, от вшей)? И что бы она ни врала, как бы ни всплескивала ручками, это бессмысленно, потому что такой вот характерный анамнез наблюдается исключительно у мужиков с признаками застарелого алкоголизма. Согласно народной медицине, чемеричная вода, в состав коей входит растительный яд рератрин, – для многих отчаявшихся женщин последнее средство внушить мужу отвращение к водке. И помогает, знаете ли! Пусть на время, но помогает! Другое дело, что относительно дозировки народная медицина ничего конкретного не говорит. И бывают, не часто, но бывают, такие случаи, что умирают мужики стараниями заботливых женушек. А сколько таких мужиков померло, грибочков покушавши! Особенно – закусивши ими. Вот и Константин…

– Кот пил, что ли? – спросил он угрюмо, и Валера кивнул:

– Да разве от такой жизни не запьешь?!

Судя по лицам, и у самого Валеры, и у Пирога жизнь тоже была такая. И уже давно! Возможно, их тоже иногда тянуло расстаться с такой жизнью.

И тем не менее версия о самоубийстве Аверьянова существует только в голове Электровеника, Костя ведь ни записки никакой не оставил, ничего такого. Пирог,

способный мыслить и говорить более связно, сообщил, что жену Константина чуть не заподозрили в попытке убийства. Но у нее оказалось такое алиби, что не подкопаешься. Слухи, конечно, продолжали ходить всякие, однако, увы, Соню даже не задерживали – допросили раз, и все. Вообще официальный вердикт такой – смерть от случайного отравления, тем паче в конце лета – осенью масса народу травится грибами и всякими лесными сборами. И если бы не эти фотографии, о которых Валерка все уши прожужжал…

Валера между тем налил по новой. Руки его дрожали, хотя выпили-то всего ничего. Это от злости, от ненависти к жене Константина, – довела баба мужика до ручки!

Струмилин пожал плечами. Хоть убей, он не понимал, как можно кончать с собой из-за гулящей бабы. Вообще-то на самоубийство из-за сердечных дел гораздо чаще идут женщины, чем мужчины. Разве что Костя уже свое отжил, и знал это, и вот судьба дала ему шанс уйти под благовидным предлогом.

Видимо, так. Струмилин слишком много видел смертей, чтобы не верить совершенно твердо в одно страшноватое старинное изречение: ловит волк роковую овцу. Да, работа давно сделала его фаталистом!

Вопрос вот в чем: кто сыграл для Кости роль этой судьбы? Кто сделал его «роковой овцой»? Кто подсунул фотки, стоившие ему жизни?

Или все это тоже произошло случайно?

* * *

Лида выскочила из автобуса и суматошно огляделась. Часы на здании вокзала показывали три.

Осталось десять минут! Она опоздает, точно опоздает! Еще же надо найти этот дурацкий поезд!

– Уважаемые пассажиры! Скорый поезд номер сто тридцать восемь сообщением Северолуцк – Адлер через десять минут отправляется с первой платформы. Выход на платформу через зал ожидания, а также через левое и правое крыло

вокзала. Нумерация вагонов начинается с головы поезда. Повторяю…

Повторения не требовалось: Лида уже ударилась всем телом в стеклянную дверь, ворвалась в здание вокзала и, лавируя, обремененная множеством вещей, понеслась к выходу на платформу. Красное платье из легкого шелкового трикотажа, вернее, сарафан на тоненьких бретельках, вился в ногах, высоченные каблуки красных босоножек то и дело грозили подломиться.

«Как Сонька с ними справляется? – в десятый по меньшей мере раз за последние полчаса подумала Лида. – При таких каблучищах только на панель, и то не ходить по ней, а прислонившись стоять!»

Она-то предпочитала устойчивый плотный каблук, а на шпильки взбиралась, когда уж совсем деваться некуда.

Оказавшись напротив очередной стеклянной двери, Лида не смогла удержаться от искушения и не поискать взглядом свое отражение, однако дверь ни секунды не стояла на месте: люди так и ломились на платформу, словно им предстояло драться за места в пригородной электричке, а не располагаться в скором поезде «согласно купленным билетам». С другой стороны, рассосаться за десять минут этакой толпище людей – тоже надо уметь!

В кильватере двух крутых парней с крутыми чемоданами на колесиках Лида выскочила на платформу и огляделась, нервно отводя волосы со лба. И тут же ее прошибло холодным потом: челка! Господи, да ведь новехонькая, полчаса назад выстриженная челка сейчас встанет дыбом! Соня еле-еле заставила волосы сестры, привыкшие быть строго зачесанными назад, лежать на лбу. И примачивала их, и лаком брызгала, и гелем смазывала – никакого толку. Каким-то чудом удалось уложить непослушные пряди, до жестяной жесткости засушив их феном, и сейчас Лида по дурости, одним движением руки, уничтожила Сонин тяжкий труд. Какие это последствия может иметь – даже думать не хочется!

– Соня! – послышался в это мгновение возмущенный мужской голос, и чьи-то руки вцепились в Лидины плечи, тряхнув так, что она чуть не сверзилась со своих каблучищ. Тут же ее резко повернули вокруг своей оси. Легкий подол взвился до самых трусиков, Лида почувствовала прохладу, коснувшуюся обнажившихся ног, и сначала торопливо оправила платье, только потом поглядела на обнимавшего ее человека.

Он, Евгений! Все приметы сходятся: не очень высокий, даже пониже ее ростом, но широкоплечий, крепкий, волосы черные, глаза черные, очень красивые, не то полукавказец, не то полумолдаванин, а может, и то и другое. Вид немножко расхристанный, не очень-то похож на ревизора из Управления железной дороги, скорее – на героя-любовника, каких много расплодилось за прилавками российских рынков, они обычно сладко играют глазами с покупательницами, щедро называя всякую, без скидок на возраст и экстерьер, красавицей.

Герой-любовник, даже легкая щетина на щеках придает ему «невероятно сексуальный вид», как и предупредила Соня. Есть такое дело… Только как же с ним целоваться, с таким небритым? А целоваться, кажется, придется незамедлительно! То есть уже пришлось.

Красивое злое лицо придвинулось, мужские губы накрыли Лидин рот, и толстый язык прижался к языку, а небритый подбородок сильно уколол ее. Лида испуганно зажмурилась – знакомое отвращение тошнотой пошло к горлу, – но постаралась взять себя в руки и елико возможно мобилизоваться. Кажется, ей это удалось, потому что в следующее мгновение горячая рука вцепилась ей пониже спины и крепко притиснула к себе. Животом Лида ощутила выпуклость ремня, а бедрами – еще какую-то выпуклость.

Пылкий поцелуй наконец прервался, но не прежде, чем в ход пошли зубы, и Лида ощутила во рту железистый привкус крови.

«Какая гадость! Как Сонька может?!»

Захотелось отвернуться и сплюнуть, однако она стиснула зубы и заставила себя не только сдержаться, но и сохранить на лице маску растерянности и как бы даже удовольствия. По счастью, Евгений на нее не смотрел, а продолжал прижиматься всеми своими выпуклостями.

– Чертовка! – Мужчина защекотал своим дыханием ее шею. – Мой Анри Четвертый изнылся, исстрадался весь, с его-то темпераментом!

Конечно, Лиде приходилось слышать, что некоторые мужчины обожают давать определенной части своего тела всякие залихватские имена, но выбор Евгения заставил ее просто-таки остолбенеть. Впрочем, в этом что-то есть: назвать неприличное местечко именем знаменитого короля-потаскуна. Пожалуй, этот

Евгений не такой уж «пинжак», каким презрительно характеризовала его сестра!

– Я там все приготовил, в купе, а ты шляешься, время теряешь, – продолжал между тем обиженно Евгений. – Теперь уж не успеем. Вот кончу прямо тут, на перроне! – И он начал возбужденно жевать Лидино ухо.

Она стояла столбом, только сейчас поняв, что означала вскользь брошенная фраза сестры: «Если он начнет тащить тебя в купе, ты уж посиди с ним немножко, ничего страшного».

Ничего себе – посиди! Если бы Лида не опоздала столь основательно, ей бы наверняка пришлось полежать. Впрочем, может, этот Евгений предпочитает секс сидя? В купе-то сидя еще удобнее!

– Извини… – Предательское «те» удалось поймать на самом кончике языка. – Извини, бога ради! Меня просто-таки затрахали сегодня клиентки.

– Какая ты, Соня, все же неласковая со мной, – обиженно выдохнул Евгений. – Я к тебе всей душой и всем телом, а ты там над какими-то бабами за гроши трясешься – нет чтобы мужчину успокоить, причем за гораздо более значительную сумму. Думаешь, выдержу две недели в одиночестве? Клянусь мамой, сплесну при первом же удобном случае! Какая согласится, той и сплесну!

Выражался новый знакомец до того забавно и своеобразно, что Лида с трудом сдержала смешок. К счастью, инструкции сестры прочно отпечатались в памяти, поэтому она смогла пробормотать в широкое мужское плечо, в которое вынуждена была уткнуться лицом:

– Да уж небось от желающих отбою не будет! Но ты, главное, от Наденьки держись подальше, не то я тебе такое устрою – пойдут клочки по закоулочкам!

Эти «клочки по закоулочкам» – одна из непостижимо прилипших к обеим сестрам фразочек. Лида тоже именно так грозила – когда приходилось стращать кого-нибудь.

Как Соня и предсказывала, упоминание о Наденьке привело Евгения в отличное настроение! Он еще раз чмокнул Лиду в ухо, отчего у нее в голове воцарился звон, и наконец-то отлип от нее.

– А ты у меня ревнивица, – сказал сладким голосом. – Ничего, вернусь – покажу, что ты по-прежнему царица моего сердца. А пока пошли, заберешь Анри Четвертого.

У Лиды, уже шагнувшей за ним, заплелись ноги от изумления. На воображение ей жаловаться никогда не приходилось, вот и сейчас картина, возникшая перед мысленным взором, оказалась на диво отчетливой.

Интересное кино! Сестра сказала: «Заберешь у него ключи и еще кой-чего». Это что же получается, а?..

Но Евгений, не обращая внимания на заминку, уже схватил ее за руку и потащил по перрону к вагону-ресторану, с подножки которого встревоженно свешивалась спелая деваха в тугой до треска юбке и крошечном белом передничке.

«Может, это и есть Наденька?» – подумала Лида. Правда, горячее чувство, светившееся в глазах девахи, не имело отношения ни к любви, ни к страсти.

– Евгений Ионович! – взвизгнула она раздраженно. – Заберите наконец вашего чертова Анри, он все сиденья в служебном купе изгрыз!

Евгений, как выяснилось, Ионович помахал девахе ручкой и наддал ходу. Лида, до которой начала доходить страшная правда, пыталась притормозить, но путалась в каблуках. А гомон, стоявший на перроне, да громкий голос из репродуктора, объявлявший отправление скорого поезда номер сто тридцать восемь сообщением Северолуцк – Адлер, совершенно заглушали ее недоуменный лепет.

Наконец Евгений выпустил Лидину руку, вскочил на подножку какого-то вагона, отпихнул барышню с желтым флажком и скрылся внутри. Лида попыталась утвердиться на своих подпорках, переводя дыхание и раздумывая, не сбежать ли, пока не поздно, но вот именно, что уже поздно: Евгений вновь появился и спрыгнул на перрон, держа в охапке… громадного черного пса.

– Погуляй с ним вечерком, не ленись. И завтра встань пораньше, – прокричал новый Лидин знакомец, пытаясь пересилить объявление об отправке поезда и напористо впихивая ей в руки тяжелое гладкошерстное тело. – Анри, чао, будь хорошим мальчиком, слушайся Соню. А ты, Соня, будь хорошей девочкой – и дядя Женя тебя не обидит!

Он хихикнул, грубо лапнул Лиду за неприличное место, так что она по-дурацки взвизгнула, потрепал Анри по мясистому загривку и влепил им обоим по поцелую, – к счастью, начав с Лиды. Пес облизал хозяиново лицо, а более ничем своего темперамента не выразил – висел да и висел на руках у Лиды. В это мгновение из репродукторов грянул знаменитый марш «Прощание славянки», и Евгений, крепко захлестнув Лидину руку тонким ременным поводком, вскочил на подножку вагона-ресторана. Вскочил он очень забавно – спиной вперед, словно при перемотке пленки в видеомагнитофоне пустили обратное изображение. Лида непременно засмеялась бы, если бы нашла силы. Но пока сил у нее ни на что не было, кроме как машинально стискивать в объятиях черного, лоснящегося Анри и растерянно пялиться вслед вагону-ресторану, уносящемуся прямиком в Адлер.

Почему-то в сей дурацкий миг она вспомнила чудный французский фильм «Графиня де Монсоро» и то, что Анри Четвертого там ласково называли Анрио. И тотчас заметила, что Евгений как-то странно дергается на подножке и машет, что-то крича, однако разобрать слова невозможно: «Славянка» прощалась очень громко. Лиде на миг показалось, что Евгений даже пытается спрыгнуть с подножки, но кто-то удерживает его. Может, легендарная Наденька подоспела-таки?

Поезд чуть повернул, и Евгений исчез из поля Лидиного зрения. И тут наконец руки у нее разжались, и тяжеленный Анрио шлепнулся на перрон, возмущенно взвизгнув. Утвердившись на лапах, коротковатых для его мощного тела, повернул большую голову с тупым лбом и внимательно уставился на Лиду. Над его глазами было два желтых пятнышка. Морда курносая, брыластая, вроде бы сонно-добродушная, однако в складках губ вдруг просверкнули внушительные зубищи. Бульдог, что ли? Нет, кажется, эта порода называется ротвейлер. Или как-то в этом роде.

Господи… да ведь это одна из самых неуправляемых пород! Пес-боец! Если он разозлится, Лида никогда с ним не справится. Да и если не разозлится… В соседнем подъезде того дома, где жила Лида в Нижнем, обитал такой же

ротвейлер, и ей не раз приходилось видеть, как его крепенький хозяин, с каждым месяцем и годом обретавший все большее сходство со своим псом, влачится в кильватере его напористого движения, только делая вид, что это он выгуливает пса. На самом же деле всякому было ясно, кто тут кого выгуливает!

Анрио смотрел на Лиду, а Лида смотрела на него. Взаимное созерцание затягивалось. Почудилось ей или в глазах с желтыми пятнышками и впрямь вспыхнуло недоумение?

– Чего уставился? – сердито спросила она, перехватывая поводок и норовя повернуть пса так, чтобы не пялился на нее больше. Может, если не станет смотреть – не догадается о подмене? Она забыла, что зрение не относится к числу определяющих собачьих чувств.

Глаза-то отвести Анрио отвел, но потянулся к подолу красного сарафана и принялся его сосредоточенно нюхать. Сарафан, конечно, пахнул знакомо – Соней, и тяжелые складки, собравшиеся на загривке Анрио, разошлись. Но тут же угрожающе собрались снова, когда влажный нос пополз по голым Лидиным ногам.

Вот сейчас учует незнакомый запах, вот сейчас обидится, что его подсунули абы кому, и выразит свой протест самым доступным для всякой собаки – а особенно такой страшной! – образом… И Лиде до того стало жаль своих точеных, загорелых, стройных ножек – «самых красивых в Северолуцке и районе!» – что она мгновенно утратила власть над собой и забилась, задергалась, обеими руками и коленками отпихивая от себя пса и истерически вскрикивая:

– Пошел вон, дурак! Пошел вон!

Анрио оказался на диво послушен. Мигом убрал свой мокрый нос от Лидиных ног, повернулся и затрусил по перрону, свесив тяжелую голову меж плеч и вихляя задом. Двигался он в ту сторону, куда только что ушел поезд. Лида с тупым облегчением смотрела ему вслед, потом ощутила, что руке ее как-то подозрительно легко и свободно. Да ведь с нее соскользнул обмотанный Евгением ремешок, осталось только колечко с каким-то плоским, дырчатым брелком! А что это змеится по асфальту вслед за Анрио? Тот самый ремешок!

Первым побуждением было предоставить Анрио обретенную им свободу передвижения, развернуться – и убраться прочь с вокзала. Но Лида замешкалась.

Черт!.. Наверное, Сонькина жизнь здорово осложнится, если пропадет пес ее любовника. Недаром она так умоляла Лиду проводить Евгения, взять у него ключи и…

Боже! А где ключи?! Теперь понятно, почему Евгений так долго трепыхался на подножке уходящего поезда! Вспомнил, что забыл передать ключи, кричал, наверное, Лиде, чтобы она подбежала, поймала их, а она стояла, как мать-одиночка, прижимая к себе Анрио.

Итак, ключи не взяты, теперь и пес сбежит. А ведь они с Соней договорились встретиться вечером на квартире этого самого Евгения, и Соне предстояло ее охранять по причине вышедшей из строя сигнализации и заодно пасти Анрио – по причине ссоры с соседкой, которая обычно занималась этим в отсутствие Евгения. Адрес сестра успела сообщить, но как туда теперь попасть, в эту квартиру?!

Ужасно захотелось плюнуть на все и, не дожидаясь вечернего московского поезда, ближайшей электричкой, с этого самого вокзала, через Вяземск и Гороховец, уехать домой, сделав вид, что нынешнего дурацкого дня вовсе не существовало в ее жизни. Но сумочка с паспортом, но костюмчик, оставшийся в квартире Сони, но сама Соня, которую она так некрасиво подведет! И вообще…

Лида уныло усмехнулась. Быстро же она запуталась в родственных чувствах. Не успела обрести сестру, а чувство долга по отношению к ней уже тут как тут, словно бы всю жизнь они с Соней провели рядом. Хорошо, пожалуй, что не провели: если Сонька с первой же встречи забрала над Лидой такую власть, можно представить, как бы она ездила на сестре, не разлучи их судьба. Соня, конечно, хорошая свинья: отправила Лиду на такое дело, не сказав толком, что ее ждет. С другой стороны, скажи она правду – Лида ни за что не пошла бы. Значит, у Сони сорвалось бы ее смертельно-важное дело, как она выразилась.

Весело! Лида даже не спросила, что за дело: просто приняла все Сонины условия, позволила выстричь себе челку (сбылась мечта идиотки!) и помчалась на вокзал. И вот вам результат…

Однако что же она стоит столбом? Хотя бы собаку поймать! А потом подумать, что делать дальше.

И Лида ринулась вперед на полусогнутых, пытаясь не только настигнуть Анрио, но и подобрать с асфальта ремешок. Не удавалось ни одно, ни другое, хотя не сказать, что Анрио бежал так уж быстро. Кажется, только руку протяни… То есть ногу. Лида то и дело совершала выпад правой ногой, пытаясь наступить на ремешок, прижать его, однако он в последнюю секунду выскальзывал. Кажется, в аргентинском танго есть такое па – резкий выпад правой ногой вперед? Со стороны картина, наверное, еще та, и Лида просто не понимала, почему окружающие не складываются штабелями от смеха. Какой-то нелюдимый тут, в Северолуцке, народ оказался, бесчеловечный, можно сказать. На жалобный призыв Лиды: «Держите собаку!» – никто не отреагировал, наоборот, перед Анрио образовался довольно широкий коридор, куда тот и устремился, с каждой секундой увеличивая темп.

Они уже обогнули здание вокзала и вырвались на площадь, к стоянке такси.

«Если он сейчас перепугается и рванет, я его в жизни не поймаю!» – в панике подумала Лида – и, как водится, накликала беду. Послышался резкий сигнал такси, пес мигом утратил вальяжную неторопливость и метнулся в сторону. Взвизгнули тормоза, черное тугое собачье тело стремительно перелетело площадь… и потерялось среди множества крошечных магазинчиков, облепивших ее по периметру.

– Анрио! – взвизгнула Лида, простирая руки, но вопль ее остался безответен, только какая-то тетка с мешком семечек покосилась на нее дикими глазами. А нарушенное было движение на площади мгновенно восстановилось.

Лида закрыла глаза и обреченно покачала головой.

– Да вы не горюйте, девушка, – сказал над самым ее ухом приятный мужской голос. – Такой пес не пропадет! У меня у самого ротвейлер – ого, сколько раз вырывался и убегал! И всегда возвращался домой. И ваш вернется. Вы лучше поскорее поезжайте туда, чтобы собачка не скучала, когда прибежит. Нет, автобусы в это время ходят просто отвратительно! Давайте я вас подвезу, у меня тут машина.

Первой мыслью Лиды было, что она все же ошиблась насчет жителей Северолуцка и района: среди них попадаются на диво отзывчивые личности! Потом она осознала, что данная личность – невысокая, узколицая, с серыми волосами и в сером же мятом костюмчике – уже успела подхватить ее под локоток и как-то очень напористо влечет к темно-зеленой «Волге», притулившейся у обочины.

Все понятно! На вокзале Северолуцка, определенно не самом оживленном вокзале мира, спрос на средства передвижения отстает от предложения. И напористый «чайник» влечет добычу к своей «волжанке», пока таксисты не расчухали и не перебежали дорогу.

– Да нет, спасибо, – сказала Лида, пытаясь высвободить руку. – Мне тут буквально два шага, я и пешком дойду.

– Как это? – бормотал серый «чайник», уже хватаясь за ручку зеленой дверцы. – Уж решили, так поедем.

– Ничего я не решила! – рванулась Лида. – У меня и денег-то нет! Я кошелек потеряла!

В это мгновение дверца распахнулась, и «чайник» с такой силой втолкнул туда девушку, что она плашмя простерлась на заднем сиденье. Завозилась, пытаясь приподняться, но чья-то рука вдавила ее в пахнущую пылью и бензином коричневую обивку.

– Ножки задери, – посоветовал добродушный голос, почему-то показавшийся знакомым. – Прищемим дверью – ой-ой, какая вава будет! Жалко такие подставочки калечить, правда, Золотая Ножка?

В это мгновение чья-то рука грубо согнула ей ноги, послышался хлопок закрывшейся двери. Через секунду мотор взревел, «Волга» тронулась.

Рука, вдавившая Лиду в сиденье, ослабила нажим, и девушка смогла повернуть голову.

Серый «чайник» на месте водителя сосредоточенно вертел баранку, а рядом с ним, перегнувшись с переднего сиденья, Лиде широко улыбался тот самый рыжий и губастый ценитель женских ног, кто сегодня утром приветствовал ее приезд в Северолуцк.

– Ключ, – проговорил он, поворачивая руку ладонью вверх. – Ключ от квартиры, где деньги лежат, ну?

Лида тупо смотрела ему в лицо, с которого не сходила приятнейшая, чуточку щербатая улыбка.

Почему-то сразу вспомнился ключ от ее собственной нижегородской квартиры, оставшийся в сумке. Что за чушь?! Там нету никаких денег!

– Сонька, не томи, – прищурился губастый. – Гони ключи.

И тут до Лиды дошло! Этим двум нужны ключи от квартиры Евгения! Сонька… она не только Золотая Ножка, но все-таки и Золотая Ручка. Наводчица! Лида вспомнила разговоры о вышедшей из строя сигнализации. Наверняка Соня сама ее сломала, чтобы вместе со своими сообщниками без помех ограбить любовника. Ну и грабила бы, зачем только что обретенную сестрицу втравливать в такие дела?!

Вот гадость! Конечно, Соня боялась этих ребяток, потому и отправила в западню дурочку Лидочку. Надо как можно скорее отдать ключи и избавиться от них. Пусть делают что хотят, а Лида…

И тут ее бросило в жар.

Ключи! Им нужны те самые ключи, которые она забыла взять у Евгения!

– У меня нет никаких ключей, – забормотала Лида, с отвращением улавливая в своем голосе испуганные, заискивающие нотки. – И вообще, вы думаете, я…

– Не узнаю тебя, мать, – осуждающе сказал губастый, больно выворачивая ей руку. – Раньше ты врала покраше. Нету ключей, нету – а это что, по-твоему?!

И он снял с Лидиного полусогнутого пальца витое колечко с плоским дырчатым брелком, недавно украшавшее поводок пса. Лида начисто забыла о нем и все это время сжимала в кулаке чисто машинально.

Так это и есть ключ от квартиры Евгения?! Значит, она все же взяла его? Ничего себе – ключ! Таких ключей-то и не бывает.

Нет, выходит, бывает. И слава богу. Получив свое, рыжий и серый должны отпустить ее.

Лида попыталась сесть. Удалось это с некоторым трудом.

– Ну, ключ у вас теперь есть, – сказала угрюмо. – Адрес, надо думать, вы знаете. Остановите машину!

Честно сказать, она не ожидала, что серый послушается столь беспрекословно. «Волга» вильнула к тротуару и замерла.

Лида зашарила по дверце, но та оказалась практически плоская, с какими-то жалкими культяпками на тех местах, где раньше были обе ручки. Нечем даже окно опустить!

– Соня, да не дергайся, – укоризненно сказал губастый. – Открыть могу только я. Подожди, сейчас выйду, осмотрю местность. Если все тихо – пойдем. Я совсем не хочу, чтобы нас кто-то заметил вместе.

Лида растерянно поглядела в окно. «Волга» стояла у кирпичной девятиэтажки с приметным козырьком на крыше. Сзади красовался пустырь – очевидно, это самая окраина города. Да ведь это дом Евгения, каким его описывала Соня! Точно – вон и аршинный номер сорок девять на стене. Улица Караульная, 49. А квартира 14. На четвертом этаже.

– Я не пойду, – пробормотала Лида, чувствуя, как на нее накатывается паника. – Дальше вы уж сами. Отпустите меня!

– Не глупи, дурища, – почти ласково сказал губастый, и вместо его зеленоватых гляделок на Лиду уставился черный глазок пистолета. – Мы тут все нарочно

собрались исключительно ради приятной встречи с тобой, а ты: не пойду, не пойду! А кто, кроме тебя, покажет нам, где у твоего любовника тайничок?

* * *

В Шереметьеве Джейсон сразу прошел через «зеленый коридор». Таможенник даже не взглянул на его плоский чемодан из дорогой кожи. Шлепнул печать, куда ее полагается шлепать, махнул рукой:

– Велком ту Москоу! – и широко зевнул, тотчас забыв про Джейсона.

Эх, если бы на обратном пути удалось попасть к такому же полусонному, доверчивому молодому человеку! Но это вряд ли удастся. Уж конечно, непременно именно на том рейсе, на какой взял обратный билет Джейсон, станут искать политического беглеца, или какого-нибудь местного наркобарона, или чеченского террориста. И аэропорт окажется наводнен полицией, то есть милицией, собаками, поисковыми устройствами и всякой такой гадостью.

Именно так случилось в прошлом году в Амстердаме, откуда Джейсон транспортировал очередной экспонат своей коллекции. Это был его первый опыт в нелегальном вывозе предметов искусства из-за границы, а проще сказать – в контрабанде. Что и говорить, натерпелся он в тот вечер – особенно когда изящный каштаново-коричневый доберман засновал между людьми, стоящими в очереди на таможенный досмотр. Только многолетняя, можно сказать – врожденная привычка блефовать в покере (мать Джейсона, Барбара Полякофф, урожденная Каслмейн, была не только полной тезкой знаменитой фаворитки английского короля Карла II, но и чемпионкой штата в этой игре и автором нескольких учебных пособий для начинающих, то есть кое-чему научила своего единственного сына!) помогла ему стоять со скучающим выражением, в то время как в голове толклись бредовые мысли: «А вдруг пес натаскан не только на наркотики, но и на запах масляной краски? Ведь Амстердам – столица мировых художественных ценностей и… похитителей оных?»

В это мгновение пес поглядел на Джейсона узкими, проницательными глазами, громко вздохнул – и оставил его чемодан в покое.

Джейсон перевел дух не менее шумно – но тут же его начал точить червь нового беспокойства. А вдруг при просвечивании багажа обнаружится двойное дно? Вдруг у таможенников есть особые устройства для его выявления? О нет, конечно, там нет никакой пустоты, которая могла бы обнаружить себя при простукивании, да и не двойное это дно, строго говоря, а просто уплотненная, герметичная обшивка, но все-таки… Что, если ему прикажут открыть чемодан, а потом начнут пороть эту обшивку? Прощай, честное имя, прощай, свобода. Впереди арест, суд, тюрьма и позор. Джейсон поставил на карту все, абсолютно все ради сомнительной радости обладания некой редкостью, а ведь он даже похвастаться ни перед кем не сможет! Придется, подобно Скупому рыцарю (Джейсон любил Пушкина), перебирать «в сундуке», точнее, созерцать в небольшой галерее, куда вхож только он и доверенный слуга, свои запретные сокровища… Но это если повезет и никто ничего не обнаружит!

Повезло…

Потом, в самолете, когда двойная порция джина помогла немножко расслабиться, Джейсон уже с чувством некоторого стыда вспоминал о своем испуге. Все-таки он не слишком тщеславен – в том смысле, что радость обладания той или иной картиной не возрастает в нем прямо пропорционально количеству восхищенных воплей его знакомых, которым может представиться счастье законно любоваться этой картиной в его доме в Сиднее или зреть ее на публичной выставке с золоченой табличкой: «Из коллекции Дж. В. Полякофф». Да, он предпочитал тайную страсть явной, он именно Скупой рыцарь, его вполне устраивало наслаждение несметными сокровищами в одиночестве. Именно тогда вполне четко выработалось его жизненное кредо: если он сможет раздобыть очередной экземпляр для своего собрания легальным путем, скажем, на аукционе Сотби или выкупив у другого такого же одержимого любителя, – это прекрасно. Всегда приятно, а главное, безопасно ощущать себя законопослушным гражданином. Но если вдруг ему предложат стоящую контрабанду… что поделаешь, Джейсон спрячет свою законопослушность в карман.

Принимаясь за вторую порцию двойного джина, он хмыкнул, донельзя довольный собой. Все-таки он вполне унаследовал дух этих трех авантюристов – своего отца, и деда, и прадеда. Преуспеть в штате Новый Южный Уэльс чужаки могли только в том случае, если были отъявленными авантюристами. Ну да, ведь они видели в Австралии не часть цивилизованного мира, к какому надо приспособиться, перед каким надо смиренно гнуть спину, а просто дикую,

необжитую землю, которую надо прогнуть под себя. Это современное выражение чрезвычайно нравилось Джейсону. Точно так же «прогибали» под себя Сибирь и Поволжье его давние предки Поляковы и Чернореченские, нанимавшие калмыцких и казахских байгушей, то есть бедняков, пасти гигантские овечьи отары, положившие начало будущему богатству… увы, изрядно потрепанному революцией, но все-таки сумевшему возродиться на бескрайних австралийских просторах.

Приятно ощущать себя авантюристом, этаким пиратом и флибустьером! И не менее приятно сознавать, что не ошибся в выборе партнера. Этот парень обещал Джейсону регулярно пополнять его коллекцию – в основном за счет русской провинции, где еще сохранились истинные шедевры.

Джейсон с великолепным простодушием отогнал от себя мысль о том, что его новый знакомый имел в виду прежде всего музеи этой самой русской провинции. Его бывшие соотечественники совершенно не умеют беречь свои сокровища. А ведь сказано – не вводи в искушение малых сил, в смысле воров. Кроме того, большевистская Россия в свое время немало поживилась состоянием Поляковых, так что пришло время возмещения ущерба. Как говорили те же большевики, начинается экспроприация экспроприаторов!

А что касается законов о контрабанде… Джейсон вспомнил свои бредовые страхи: арест, тюрьма, суд. Как изрек великий Пушкин, «ты сам – свой высший суд».

Вот именно: «Ты сам свой высший суд. Всех выше оценить сумеешь ты свой труд. Ты им доволен ли, взыскательный художник? Доволен? Так пускай…» И далее по тексту!

Джейсон попросил еще один джин. Он доволен, необычайно доволен собой, хотя не художник, а всего лишь ценитель искусства. Зато какой ценитель. А Пушкин – непревзойденный поэт! Джейсон обожал Пушкина. Некрасова, Достоевского и всяких Чеховых терпеть не мог, а вот Пушкина и Тургенева ставил необычайно высоко и читал только в подлиннике – что стихи, что великолепные тургеневские романы.

Тогда он и заподозрить не мог, что его страсть к романам великого русского писателя нанесет ему самую чувствительную сердечную рану в жизни.

* * *

– Мама дорогая! – изумился Валера и замер, сунув руку под мышку, словно намеревался почесаться – да и забыл об этом. – Снится мне, что ли?..

Что характерно, и у Пирога Петюни глаза сделались такие же вытаращенные, а рот смешно приоткрылся. Струмилин обернулся, чувствуя, как неприятно захолодел затылок: хуже нет, когда кто-то смотрит тебе в спину, а ты не знаешь кто.

Они, все трое, сидели за покосившимся деревянным столиком, установленным в оградке Костиной могилки: Пирог и Валера на лавочке, а Струмилин, бывший статью покрепче, обрел в единоличное пользование пластмассовый ящик из-под бутылок, завезенный на кладбище, наверное, какой-нибудь безутешной компанией и по сю пору валявшийся в кустах. Сидеть на нем оказалось не слишком удобно, только после третьей или четвертой стопки Струмилин пообвыкся, однако сейчас, резко повернувшись, едва не слетел со своего седалища и счел за лучшее встать.

И сразу увидел ее. Она шла, лавируя меж близко смыкавшихся оград, иногда поворачиваясь боком и еле протискиваясь, изгибаясь при этом всем телом. Ветер, солнечный августовский ветер, не утихавший весь день, налетал сильными порывами ей навстречу, так что тонкое серое одеяние обнимало тело. Просторный шелковый жакет вился за спиной, словно черные крылья. И бледно-золотая пряжа волос летела по ветру.

Девушка приостановилась, вскинула руки и раздраженно поймала волосы. Мгновенным движением закрутила их в жгут и чем-то там закрепила. Все это время она стояла полубоком к Струмилину, и тот смотрел на ее высоко поднявшуюся грудь и ткань, облившую бедра.

«Ого!» – захотелось ему сказать. Ничего больше – только это одобрительное «ого!». Но он, конечно, промолчал.

Девушка опустила руки, сделала еще шаг – и кажется, только теперь заметила трех мужчин, расположившихся в могильной оградке. Приостановилась, вгляделась… При виде Валеры по лицу ее пробежала судорога, при взгляде на

Пирога губы сердито поджались, и было мгновение, когда Струмилину казалось, что она сейчас развернется и уйдет, однако в это мгновение она встретилась с ним глазами.

Струмилин невольно прищурился. Девушка смотрела на него очень пристально, испытующе, даже как бы недоверчиво. Помедлила еще – а потом решительно двинулась вперед и через несколько шагов оказалась у калитки. Лицо неприветливое, замкнутое, и голос звучал недобро:

– Давно обосновались?

Серые глаза скользнули по пластмассовым стопкам и бутылкам: две на столе, еще одна, пустая, под столом (это Костина привычка – сразу убирать пустую тару, говорил, плохая примета, когда порожние бутылки на столе, у него все и научились порядку), по кольцу небрежно накромсанной копченой колбасы, ломтям ноздреватого белого хлеба и розовым сахарным помидорам – немудреной закуске.

– Вижу, давненько. Ладно, посидели – и хватит. Собирайте свое барахлишко, да поскорее. Я подожду.

Она демонстративно отвернулась, так резко мотнув головой, что небрежно затянутый жгут волос развязался, и она вновь вскинула руки, начала сновать в светящихся прядях проворными пальцами, заплетая их в тугую недлинную косу.

Струмилин смотрел на ухо с покосившейся сережкой: камушек зеленый, прозрачный, просвечивал на солнце, и ушко тоже словно бы просвечивало, такое оно розовое и маленькое…

Валера сильно выдохнул сквозь зубы, и до Струмилина внезапно дошло, на кого он так загляделся.

– Сонька! – подтверждая догадку, зло прохрипел Валера. – Какого черта?..

Она обернулась.

– То есть?! Я что, не имею права прийти на могилу собственного мужа в годовщину его смерти? Это вас я должна спрашивать, какого черта вы устроили здесь весь этот бардак? Другого места не нашлось?

– Бардак? – Валеру они называли между собой Электровеником – он заводился даже не с пол-оборота, а всего лишь с четверти. – Конечно, тебе лучше знать, шлюха!

– Эй, эй… – предостерегающе сказал Струмилин, однако Валера так дернул худым плечом, что стало ясно: его уже не остановить.

Пирог озабоченно покачал головой: он тоже понимал, что могила друга – не лучшее место для выяснения отношений с его распутной женой, однако Валера всегда был ближе их всех к Косте, у него на глазах прошли два этих последних года – самые несчастные, по его уверениям! – именно ему Костя показал те роковые фотографии, и Веник с этих пор считал себя как бы душеприказчиком товарища.

Ох, не очень здорово выполнял он свои обязанности! Костя ясно дал понять, что не хочет, чтобы тревожили его жену, однако, по всему видно, чуть ли не весь Северолуцк знал, кто загнал в гроб Аверьянова. Знал не без помощи неутешного друга Валеры…

Можно себе представить, что он сейчас наговорит! Электровеник всегда на диво несдержан в речах, расхожее выражение: «Словом убить можно» – для него лишено какого бы то ни было смысла. Да Костя перевернется в гробу, это точно!

Неужели Валера забыл, о чем рассказывал только что? Когда Костя – пьяный, сбитый с ног, потерявшийся от свалившегося на него позора – пришел к нему и принес эти жуткие фотографии, он показал их только Валере – и никому другому. И, отравившись, не разложил снимки веером рядом с собой, чтобы всем и каждому стала ясна причина его самоубийства! И в записке не написал, вроде того героя Вересаева: «Загубила ты мою жизнь, проклятая баба!» Вообще не оставил он никаких записок. И если это в самом деле самоубийство, Костя хотел, чтобы оно выглядело как несчастный случай.

Валера получил те фотографии по почте спустя несколько дней после похорон. Вернее, обнаружил в своем почтовом ящике, где они, наверное, пролежали

несколько дней: поскольку никаких газет Валера уже много лет не выписывал, ящика практически не открывал и заглянул туда просто случайно.

Струмилин лично считал, что сам Костя и сунул туда фотографии, еще когда уходил от дружка. Нарочно. Не хотел, чтобы их нашли у него дома. Хотя с другой стороны, он мог их просто уничтожить…

Валера сначала нашел в себе силы промолчать о позоре друга, но постепенно сболтнул одному, другому, и вот уже поплыли, как круги по воде, темные слухи о том, что Костя просто-напросто не перенес многочисленных измен жены. Соня Аверьянова гуляла направо и налево; даже когда Костя умирал, она валялась в постели с каким-то случайным знакомым, он-то и подтвердил ее алиби…

«Да уж, наверное, и впрямь липнут к ней мужики, проходу не дают!» – подумал Струмилин, глядя на эти яркие губы, и удивительные глаза, и золотистую челку до бровей, – но тут же одернул себя: в этой мысли явный оттенок предательства, потому что она как бы оправдывала Соню, которая просто-напросто не могла устоять перед многочисленными домогательствами похотливых самцов. А правда в том, что Костина жена не в меру слаба на передок и сама тащила на себя первого встречного-поперечного, как одеяло в стужу.

И все же не здесь, не сейчас надо ее обличать и побивать каменьями. Не здесь и не сейчас!

Все эти мысли промелькнули в голове мгновенно: Электровеник не успел еще выплеснуть из своей пышущей негодованием груди весь запас ругательств, адресованных Соне, как Струмилин поднялся и загородил от него молодую женщину. За ее спиной показал онемевшему Валере и не менее онемевшему Пирогу кулак, а сам сказал – вполне спокойно и, надо надеяться, равнодушно:

– Добрый день. Извините, мы просто не ожидали столкнуться с вами здесь, иначе помянули бы Костю в другом месте. Это, конечно, бесцеремонно с нашей стороны, однако вы нас тоже поймите. Я по некоторым причинам не смог быть ни на похоронах, ни на других поминках, а мы ведь все друзья детства.

«Господи, какие глаза! – мысленно вскричал он. – Надо же – ищешь, ищешь всю жизнь кого-то… этакую вот красоту, и вдруг встречаешь – чтобы узнать: она свела в могилу твоего старинного друга».

– Это вы мне звонили? – вдруг спросила Соня, чуть нахмурясь и отводя с лица тонкие непослушные пряди, которыми как хотел забавлялся ветер. – Ну, говорите, что там у вас.

Струмилин вскинул брови.

– Не понял, – сказал осторожно.

Соня уставилась на него. Ноздри ее раздулись, и стало ясно, что она с трудом сдерживает ярость.

– Ну да, – выдохнула низким, злым голосом. – Конечно! Дура я была, что поверила! Сказать, рассказать! Конечно! Их-то голоса, психа Валерки и этой дубины Пирога, – она мотнула головой в сторону, словно названные не торчали за спиной Струмилина, а прятались, к примеру, за могильным памятником, – я наизусть знаю, вот они и заставили тебя позвонить, да? Идиотка! Надо было сразу догадаться! Все дела забросила, примчалась, как последняя балда, а тут… Вы меня сюда нарочно заманили, чтобы… что? Что вам надо? Расправиться со мной решили? За честь друга отомстить?

Она резко оглянулась. Струмилин невольно повернул голову вслед и увидел темный силуэт, склонившийся над недалекой могилкой.

– Ага! – с торжеством воскликнула Соня. – Ничего у вас не выйдет, ребятки! Вы-то на что надеялись? Что здесь в это время, да в будний день, благостная пустыня? А фигушки! Ходят, ходят люди к покойничкам, не все ж такие бесчувственные твари, как Сонька Аверьянова, которая к родному мужу на могилку год не заглядывала, а пришла только потому, что ей какой-то умный посулил… – У нее перехватило горло.

«Год не заглядывала, – мысленно повторил Струмилин. – Значит, правду говорил Валера, будто это он сам и оградку покрасил, и цветов посадил, и вообще в порядке все содержит. Не очень большой, правда, порядок, ведь начали мы с того, что прополололи могилку, выдрали кучу сорняков, но все же… А она, сучка, признается в открытую, что не ходит к Косте, ни стыда у нее, ни совести!»

– Ах ты, тва-арь, – каким-то незнакомым, размягченным, почти ласковым голосом вдруг пропел Валера, выплывая из-за спины Струмилина. – Ах ты, шлюха блядская! Кто тебе звонил? Что врешь? Небось сама свиданку очередному хахалю назначила – чтоб Котьку еще похлеще достать, даже мертвого? Ну, хватит с меня! Хватит! Жалел тебя в память друга – а теперь все! Все! Давно пора сказать тебе, кто ты есть. Сказать – и показать!

Валера сунул руку за пазуху, выхватил что-то из внутреннего кармана легкой светлой куртки и швырнул на стол.

– Ты меня жалел?! – успела выкрикнуть с глумливыми интонациями Соня – видимо, еще по инерции свары. – Да от твоей жалости я скоро в петлю…

И тут она осеклась, вперившись взглядом в яркие картинки, веером разлетевшиеся по столу.

Фотографии… Одна спорхнула со стола в траву, к ногам Струмилина, и он поднял плотный глянцевитый прямоугольничек. Всмотрелся – и свободная рука сама по себе, автоматически, прижалась к сердцу.

Да… Если бы у него была жена и он увидел ее вот такой …

Первое, что бросалось в глаза, – голый поджарый мужской живот. Живот черный – как и ноги, согнутые в коленях. Черным все это было потому, что принадлежало негру могучего сложения, попавшему в кадр только до середины груди. На бедре у него кривой, небрежный какой-то шрам, отчетливо видный на лоснящейся коже. Между колен негра лежала белая женщина и ласкала губами огромный негритянский орган. Волосы ее были откинуты назад и золотистой пряжей покрывали ковер попугайной красно-зеленой расцветки. И негр, и лицо женщины сняты чуть не в фокусе – ну в самом деле, не позировали же любовники, а трудились самозабвенно! – однако не могло остаться никакого сомнения: на снимке Соня Аверьянова. Вот эта самая, стоявшая сейчас перед Струмилиным с выражением такого ужаса на лице, словно перед ней воистину разверзлись бездны преисподние.

«А ведь она и правда не знала, из-за чего Костя…» – промелькнуло в голове.

У Сони в руках тоже была фотография. Она взглянула на Струмилина с беспомощным выражением и почему-то протянула ему этот снимок. А он машинально отдал ей свой. Так бывает, когда люди рассматривают фотографии – снятые на пикнике, или на свадьбе, к примеру, или какие-то экзотические красоты, запечатленные во время поездки за рубеж, – и обмениваются ими. Обменялись и Струмилин с Соней, так что она теперь могла полюбоваться собой в компании с негром, а он – лицезреть ее, скачущей верхом на том же черномазом и на том же ковре. Присутствовал на снимке и третий – на сей раз белый мужчина: в мушкетерских ботфортах до колен, но без штанов. Видны были его волосатые ляжки и напряженное естество. Судя по позе, он пристраивался к Сониному рту. В руке его плетка, однако ни у кого и мысли не могло бы возникнуть, будто Соня здесь к чему-то принуждаема силой. Голова ее была самозабвенно закинута, груди стоят торчком, волосы струятся по спине. Плетка, определенно, была всего лишь средством для получения пущего удовольствия.

– Господи… – хрипло выдохнул Пирог, тоже вперившийся взглядом в какой-то снимок, и этот шепот разрушил странное оцепенение, овладевшее всеми.

Соня выронила фотографию и прижала руки к лицу. Потом странно, тоненько вскрикнула и пошла куда-то, не разбирая дороги. Мужчины – каждый держал в руках фото – смотрели, как она мечется внутри оградки, натыкаясь грудью на памятник, на прутья… Потом, споткнувшись, она упала на колени прямо на могильную плиту и, вскрикнув от боли, открыла лицо.

Прямо напротив ее глаз оказался Костин портрет: черно-белый эмалевый овал. Русые, сильно поредевшие волосы, равнодушные глаза под набрякшими веками. «А я его таким не помню, – со странным раскаянием подумал Струмилин. – Сколько мы не виделись? Два года? Да, два года. Поэтому я и Соню не знал. Да уж, такую-то – век бы не знать!»

И тени не осталось от мгновенной вспышки восторга, охватившего его при первом взгляде на эту женщину. Струмилин не был ханжой, вот уж нет, никогда не был, он понимал, что в жизни всякое может случиться, от измены – как от сумы и от тюрьмы! – не стоит зарекаться, нормальный, сильный мужик должен быть готов прощать, если уж пустил женщину в сердце. Ведь женщина – это что? Игрушка, служанка мужчины, но в то же время – змея, которую он обречен отогреть на своей груди.

Однако в теории все легко и просто, а видеть это белое тело, сплетенное с черным… И у них, у негров, омерзительные розовые ладони и пятки! Вообще-то от интернационализма в нашей стране не убережешься, интернационализм – дело хорошее, но только морально, а вот физически, вернее, физиологически… А она, значит, смогла. Ну и… ну и все! И нечего из-за нее переживать!

Струмилин перевел дыхание и почти безучастно смотрел, как Соня встала с плиты, всхлипывая, вывалилась за калитку, чудом не зацепившись за острия оградки своим развевающимся жакетиком, и побрела прочь, натыкаясь на все заборы. Она тащилась еле-еле, и чем дальше удалялась, тем больше становилась похожей на подбитую черно-серую птицу.

Наконец она свернула на тропинку, ведущую к большой дороге, и скрылась из глаз.

Сразу стало легче. Струмилин собрал с травы и со стола фотографии, стараясь складывать их картинками внутрь, чтобы ничего больше не видеть, но то и дело бросались в глаза сплетенные разноцветные руки и ноги, это лицо, эти волосы… Однако теперь он был спокоен как лед. И голос его казался ледяным, когда Струмилин произнес:

– Ты совершенно прав, Валера. Эта баба просто недостойна жить.

* * *

– Выходим и не рыпаемся, – сладким голосом сказал Рыжий, подавая руку. Он стоял у открытой дверцы, а внутри машины каждое Лидино движение страховал пистолетом Серый. Она их так и называла про себя, этих разбойничков: по преобладанию оттенков. Надо же их было как-то обозначить, в конце концов!

– Сонечка, ни звука! – вкрадчиво предупредил Рыжий, помогая ей выйти. – Ради твоей же пользы прошу. – Он сделал резкое движение, и из длинного рукава джинсовой рубахи в ладонь скользнуло узкое длинное лезвие ножа. – Если до смерти не убью, то порежу крепко, не посмотрю на твою красоту. У нас ведь сегодня – последний шанс, если ты в курсе дела.

– Нет, – честно призналась Лида, на деревянных ногах тащась рядом с Рыжим, накрепко вцепившимся в нее. – Я не в курсе никакого дела. Я не знаю ни о каком тайнике!

– Тихо! – наступая на пятки, зашипел сзади Серый. – Только пикни – и ты труп.

Все это настолько напоминало дешевку из какого-то американского или отечественного боевика, что у Лиды невольно заплелись ноги. И горло пересохло, да так, что не выдавить ни звука. Словно неживая, словно во сне, потащилась под ручку с Рыжим к подъезду, надеясь, что попадется навстречу им какой-нибудь сосед Евгения… ему это шествие покажется подозрительным, и он поднимет тревогу. Хотя, если Соня ни от кого не скрывает своих отношений с этим азером, а может, молдаваном, почему ее явление в его доме должно у кого-то вызвать подозрения? Правда, она пришла не одна, а в компании двух мужиков, и произошло это непосредственно после отъезда любовника, – ну, опять же таки, и что? В лучшем случае гипотетический сосед подумает: «Ох и блядешка эта Сонька, не успел мужик свалить, а она уже групповуху затевает!» А что еще он должен подумать, этот выдуманный человек? Дотумкаться, что Соня ведет братков брать хазу, или как это называется? Нет, Лида что-то слишком много хочет от какого-то среднестатистического соседа. Разве можно полагаться на то, что фотографиями этих двух ребяток, Рыжего и Серого, пестрят стенды с надписью «Их разыскивает милиция»? Едва ли… А потому столь жадно ожидаемый сосед скорее всего пройдет мимо странной троицы, ухмыляясь про себя, лелея в своем разнузданном воображении самые грязные картины и чувствуя разве что некоторое неудобство в штанах, но отнюдь не отягощаясь мрачными предчувствиями.

Похоже, угрюмо подумала Лида, в сестрицы ей досталась порядочная оторва. Мало что послала сестру в объятия к какому-то сексуальному маньяку, мало что втравила ее в попытку ограбления, так еще известна своей репутацией встречному и поперечному! Нет ничего странного, что ее муж покончил с собой. Лида даже удивилась бы, если бы этого не произошло!

Между тем площадка первого этажа оказалась пуста. И никакой сосед, а также соседка не помешали Лидиным спутникам нажать на кнопочку лифта (он открылся тотчас, словно тоже участвовал в деле и терпеливо поджидал грабителей), войти в него, предварительно втолкнув жертву, и отправиться на четвертый этаж.

Лиду тотчас задвинули в угол, Серый устроился у двери, а Рыжий стал рядом с девушкой, расставив руки, словно она могла внезапно выскользнуть и убежать. Если бы он попробовал выскочить на ходу из закрытого лифта, живо понял бы, что у Лиды даже мысли такой не могло возникнуть. А может быть, ему просто нравилось стоять так, наваливаясь на Лиду при каждом содрогании лифта и касаясь согнутой коленкой ее трясущихся от страха ног. Глаза его скользили от ее испуганных глаз к декольте, и улыбочка была при этом такая, что у Лиды похолодела спина. Похоже, он думал, что ей нравятся такие вот откровенные касания и похотливые взгляды, а она находила все это отвратительным! Эти мужские штучки, вернее, штучки безмозглых самцов, они рассчитаны только на таких же примитивных самок, какой, судя по всему, оказалась ее сестрица! А у Лиды с души воротит, ее в любую минуту может вывернуть на этого Рыжего, от которого крепко разит потом! Она не находит никакого удовольствия в близости с мужчиной, даже если это – просто стояние рядом в тесном лифте. Она совсем не такая, как ее сестра!

И вдруг к ее оцепенелому от испуга сознанию пробилась спасительная мысль, от которой Лиде мгновенно стало лучше. Да ведь в том-то и дело, что она – не такая, как сестра! Она вообще не своя сестра! Не Соня! Так какого же черта она молчит и тащится, словно овца на заклание?!

– Вы что, думаете… – начала Лида, с трудом заставив повиноваться пересохшее горло, но закончить не удалось: лифт остановился, и Рыжий снова угрожающе махнул рукавом, как та Василиса Прекрасная на царской пирушке. Никаких лебедей и озер из рукава, разумеется, не явилось – высунулся тот же нож, и Лида благоразумно решила оставить срывание всех и всяческих масок на потом.

Площадка четвертого этажа тоже пустовала, и никто не помешал Серому оглядеться, подойти к серой двери сейфового типа и вставить в прорезь ту металлическую пластиночку, которую отняли у Лиды.

При взгляде на дверь она ощутила странное чувство, будто уже видела ее раньше. Может, пресловутое дежа-вю? Или не менее пресловутый обмен информацией между близнецами – помимо их воли, бессознательный? Но тут же в памяти всплыла еще одна такая же дверь – не с номером четырнадцать, как здесь, а с номером девятнадцать. Ну конечно! Теперь понятно, откуда у Соньки денежки на такое дороженное сооружение! Любовничек расстарался! Наверное, одновременно обезопасил и себя, и подругу.

Отчего-то это открытие еще больше взбесило Лиду, хотя куда уж, казалось бы, больше?! И она снова начала, трясясь уже не столько от страха, сколько от злости:

– Да вы что думаете, я кто? Я…

Рыжий вроде бы и не размахивался, и лицо его при этом не выражало особенной ярости, и ударил он не очень-то сильно, однако в следующий миг Лиде почудилось, что все ее внутренности обожгло огнем. Она даже обеспамятела от боли на какую-то секунду, потом ее пронзила мысль: «Он ударил меня ножом! Он меня зарезал!»

Ноги подкосились, но Рыжий крепко подхватил ее под локоток и выволок из лифта. Тотчас ее втолкнули куда-то, где царил полумрак, прохлада и пахло псиной, и Лида почувствовала, что боль постепенно вытекает из нутра, а в голову возвращаются мысли. Она разжала обхватившие живот руки и с облегчением обнаружила, что они не окровавлены. Значит, ее просто ударили кулаком, а не ножом. Слезы навернулись от счастья, и она с новой силой принялась открывать глаза своим супостатам:

– Я не Соня! Вы ошибаетесь, я не Соня, а Лида!

Что характерно, ее как бы и не слышали. Серый деловито нашарил на стенке выключатель и зажег свет, выставив на обозрение тесную прихожую, вдобавок завешанную всяческими плащами и куртками, заставленную разнообразной, почему-то сплошь грязной мужской обувью. Серый двинулся вперед, расшвыривая, будто футболист, назойливо лезшие под ноги башмаки. А Лида вдруг вспомнила, как родители (разумеется, приемные!), бывшие заядлыми грибниками, когда-то, еще в розовой Лидиной юности, заманили ее с собой в одну из поездок. Встали ни свет ни заря, потом пилили на электричке куда-то черту на рога, потом еще пешком тащились столько, что у Лиды начали подкашиваться ноги, и вот наконец мама Аня с молитвенным, восторженным выражением обвела взором лесную опушку, воскликнув: «Вот оно, наше место! По-моему, здесь сосредоточена суть всех грибов мира, такая прагрибница, праматерь грибов!» Она любила иногда произносить высокопарные выражения, от чего у Лиды, вообще не выносившей никакой вычурности, становилось кисло во рту. Откровенно косоротясь, она окинула взглядом полянку. Да уж… Похоже, грибы здесь нарочно высаживали, как цветочную рассаду на клумбу. Шагу не ступить, честное слово, кругом сплошь темно-коричневые и темно-рыжие

шляпки! Мама Аня еще обводила «прагрибницу» умиленно-хищным взором, а папа Дима уже встал в идиотскую позу классического грибоискателя – ноги на ширине плеч, плечи согнуты, в правой руке зажат кухонный ножик с обломанной рукояткой, на локте левой висят две корзинки, дно коих устлано мягкими лопуховыми листьями, – и сделал первый шаг к счастью. И тут вдруг на Лидочку что-то нашло: она стала бегать по опушке, расшвыривая ногами эти мокрые шляпки, слыша влажное, чуть уловимое хрупанье толстых грибных ножек и давясь запахом особой, подземной, почти могильной сырости, какая всегда сопровождает грибы. Родители и ахнуть не успели, как половина «прагрибницы» оказалась вытоптана! К счастью, второй половины с лихвой хватило, чтобы наполнить все шесть литвиновских корзин, так что Лидочку не особенно и бранили, посчитав такое ее поведение особенностями переходного возраста, в каком она тогда пребывала.

Черт его знает, почему сейчас вспомнилась эта чушь. Тоже мне, ассоциативное мышление!

– Тихо ты! – зашипел Рыжий, толкая футболиста Серого в спину. – Не шуми! Набегут еще соседи. И обувь сними, а то здесь потолки картонные. И ты, подруга, разувайся, колотишь своими копытами, как лошадь.

Лида умела понимать уроки жизни с полуслова: Рыжий только бровью повел угрожающе, а Сонькины красные босоножки уже свалились с Лидиных ног. Мгновение чисто физического облегчения от того, что она, наконец, без этих подставок, – и тотчас дикое, неодолимое ощущение брезгливости стиснуло горло: пол грязнющий, весь в песке и пыли, по нему в болотных сапогах ходить надо, а не босиком! Но Лида не посмела ослушаться, когда Рыжий тычками погнал ее в комнату – в отличие от прихожей, большую и просторную, но тоже захламленную и омерзительно грязную. Окна серые, не мытые, может быть, с самой постройки дома – это особенно видно на просвет, потому что в них искоса заглядывают лучи заходящего солнца. На отличной мебели – отнюдь не итальянский дороженный ширпотреб, а настоящий дубовый гарнитур начала века, русский модерн! – толстый слой пыли. Фарфоровые безделушки на комоде тоже пыльные, грязные. Кое-где видны следы пальцев – наверное, их все же не просто так купили и забыли, а переставляют иногда с места на место, скажем, для того, чтобы освободить на комоде пространство для большого подарочного набора мужского парфюма «Louis XIV». Такой Лида видела только в телерекламе, цена – фантастическая. Да, похоже, Сонькин кавалер в жизни не бедствует и, хоть грязнуля редкостный, собрал у себя много не просто дорогих, редких, а

совершенно уникальных вещей.

А картины-то, картины! Это не наивные копии или календарные вырезки, как в комнате Сони. Это подлинники – потемневшие от времени, чумазые, лишенные ласки реставратора, но подлинники, пусть и неизвестных авторов. Сомов, что ли? Нет, какой-то эпигон. Жаль, что не Серебрякова…

Забыв, где она и что с ней, Лида оглядывалась с почти детским, восторженным выражением. Так, а это что за облупленная черно-красная доска с тускло-золотым пятном посредине? Господи… мерещится ей, или это и в самом деле «Огненное восхождение пророка Илии с 16 клеймами жития»? Ростовско-суздальское письмо, XIV век?! Нет, конечно, быть того не может, это позднейшая копия, но все равно – как максимум конец XVII века. Тоже не кот начихал, знаете ли…

Интересно, откуда молдаванистый Евгений натащил все это в свою берлогу? Скупал потихоньку-помаленьку? А такое впечатление, что изрядно пограбил местный художественный музей, известный, кстати сказать, своими собраниями. Но он совсем не похож на тонкого ценителя, ой, нет. Тогда кто же наводил его на сокровища?

Ну, кто-кто… Вопрос, увы, ясен. Сонечка Аверьянова, в девичестве Богданова! Да, близнецы есть близнецы! И если Лида закончила в свое время Нижегородское художественное училище, а потом – худграф, то кто мешал сделать это Соне – в Северолуцке? Да она и просто так могла интересоваться искусством – в качестве хобби, что ли. Вот и выходит, что Лида слишком мало успела узнать о сестре… на свою беду.

– Нагляделась? – Насмешливый голос Рыжего вернул ее с небес на землю. – Ну, ты артистка! Все хочешь нас убедить, будто ты не Сонька и сюда попала впервые? Ну да, еще начни рассказывать всякие сказки про близнецов. Я Соньку с пятого класса знаю, отроду у нее никакой сестры не было… А, ты хочешь сказать, что тебя украли цыгане? – ухмыльнулся он, уловив порывистое движение Лиды. – Брось, не тяни время. Я еще когда в далеком детстве прочитал про Железную Маску, дико ржал над всей этой глупостью. Тут, Сонечка, не мексиканский сериал и не «Санта-Барбара». И времени у нас не так много, как кажется, поэтому быстро высказывайся про Женюрочкин тайник – и разойдемся, как в море корабли.

– Вы идиоты, – откровенно сказала Лида, вдруг перестав бояться. Бог знает, что ее успокоило – может, признание Рыжего в том, что он знал Соню с пятого класса? Как-то не верилось, что одноклассник сестры может причинить ей вред. Она очень быстро забыла про тот удар в живот… – Какой еще тайник вам нужен? Эта квартира вся – тайник! Остров сокровищ! Знаете, сколько стоит вот эта икона? А статуэтки? Да это же образцы первого русского порцелина,[1 - Старинное название фарфора в России.] который делался еще без каолина, как французский мягкий фарфор, севрский или мейсенский!

Серый, доселе жадно шнырявший глазами по комнате, воззрился на Рыжего вопросительно. Однако тот покачал головой:

– Угомонись. Охота была со стекляшками возиться! И вообще, откуда я знаю, может, это все вовсе не куплено на трудовые Женюрины копейки, а в самом деле некогда стояло-постаивало в нашем художественном музее, и нас за попытку сбыта госимущества… – Глаза Рыжего лукаво блеснули. – А, Сонечка? Может, не зря ходили после смерти твоего супруга некие интересные слухи? Все-таки он работал охранником музея, так или нет?

У Лиды внезапно перехватило дыхание. Господи… Куда она попала, господи?!

– Послушайте, – заговорила сбивчиво, с трудом справляясь с дрожащими губами, – послушайте, все это какое-то недоразумение. Давайте же будем разумными людьми. Я вам говорю: я не Соня! Я ничего не знаю ни о каком тайнике. Мы только зря теряем время на пустую болтовню. Отпустите меня и делайте с этой квартирой все, что вам заблагорассудится, – я ничего никому не скажу. Я хочу только уйти… уехать домой, в Нижний!

Голос вибрировал от слез, но слова были не те. Лида сама ощущала их неубедительность, но ничто другое почему-то не шло с языка. И она почти не удивилась, когда на лице Рыжего вдруг вспыхнула ярость, а потом он отвел руку назад и с новой силой двинул Лиду в живот.

– Не хочешь добром, так…

Она согнулась, упала на пол. Сдавленный вопль рвался изо рта, но тут же он был загнан внутрь полоской широкого пластыря, перехлестнувшей лицо. Желто-зеленые глаза оказались близко-близко:

– Измолочу, поняла? Изомну все твои потроха кулаками! Никаких следов не останется, а сделаешься калекой. И никто криков не услышит. – Словно ради наглядности он еще раз вдавил свой кулак в Лидин живот, и она снова судорожно забилась на полу. – Ну, скажешь?

Лида повозила головой по полу, что значило всего лишь: «Я ничего не знаю!» – но ее мучители восприняли это как отказ ответить, и рыжий начал работать ногами.

– Эй, ты потише! – опасливо сказал Серый. – Может, как-то по-другому попробовать?

Голос его слабо донесся сквозь звон в Лидиных ушах, и она с трудом разлепила залитые слезами глаза.

– Хорошая мысль, – сказал Рыжий. – А не трахнуть ли нам барышню… извращенно? А? Говорят, если без привычки, это довольно болезненно.

– Чтоб Сонька – без привычки? – усомнился Серый. – Да брось! Слухи ходят, она чуть ли не с шестью мужиками одновременно сношалась. И сзади, и спереди, и снизу, и сверху, и даже сбоку. А негр?!.

– Слушай, ты меня возбуждаешь, – пробормотал Рыжий. – Обожаю испорченных женщин! А ну-ка помоги мне.

Он приподнял Лиду за плечи, Серый схватил за ноги, и в следующее мгновение она оказалась лежащей на кровати, от которой тянуло кисловатым духом несвежего белья.

* * *

Да нет, ничего такого не случалось в жизни Ани, в чем она постыдилась бы признаться Диме. И она досталась ему невинной девушкой – это непреложный факт, которым он не переставал откровенно и смешно гордиться. Но все-таки была в ее жизни одна роковая ночь!

Аня тогда поступила на филфак пединститута и вместе со всеми отправилась в колхоз. 1963 год, раздолье студенческой романтики и дармового труда! Сотни три девчонок и парней (преимущественно девчонок, поскольку пединституты в то время славились как кузницы женских кадров, у них на филфаке из ста человек только десять – мужеского полу, на физмате и химбиофаке почти аналогично) долго везли на грузовиках в район имени Лазо, а потом свалили на окраине какой-то деревни в виду длинного, приземистого здания без окон. От него исходил глубокий могильный дух. Это заброшенный яровизатор, и сельхозначальство не нашло ничего лучшего, как поселить будущих педагогов здесь на целый месяц. Что характерно, лихая советская молодежь ничуть не испугалась нечеловеческих условий, а восприняла их как должное. О правах человека и тому подобном в то время и слыхом не слыхали, кроме того, ребятишки только что прошли горнило вступительных экзаменов (три человека на место) и готовы были носом землю рыть от счастья, что зачислены в институт.

Копать бесплатно колхозную картошку? С радостью! Жить в вонючем яровизаторе? Запросто! Спать на нарах? Да мы только об этом и мечтали всю нашу молодую жизнь!

Однако наспех сколоченные нары вместили только половину народу. Нет, остальным не пришлось валяться прямо на полу: для них завезли несколько грузовиков деревянных ящиков, и из этих шатких сооружений студенточки изобретательно соорудили себе ложа, вернее, лежбища, нагромоздив на них матрасовки, набитые сеном. И начались сельхозподвиги! Днем ораву вывозили на поля – куда-то очень далеко, и если правда, что территория Хабаровского края могла бы вместить не меньше двух перемещенных на Дальний Восток европейских государств, то они побывали не то в Бельгии, не то во Франции.

Сентябрь выдался дождливый, ночами в яровизаторе стоял крепкий дух мокрых кирзовых или резиновых сапог, неохотно просыхающих носков и телогреек, немытых тел (в баню, в соседнюю деревню, добрые крестьяне вывозили городских раз в две недели, чтоб не забаловались. Это вам не у папы с мамой!). А в 63-м году изобилием дезодорантов наш народ не баловали… С другой стороны, девчонки и парни были слишком молоды и неприхотливы, чтобы всерьез страдать от безумного сельского быта и переизбытка работы, и слишком затурканы, чтобы осмелиться протестовать: а вдруг отчислят из института?! Самое смешное, что спустя многие годы они вспоминали Веринский совхоз с искренним умилением, чуть ли не как лучшее время жизни. Ну а тогда – простывали, конечно. И болели.

На предмет выявления захворавших раз в неделю приезжал из института начальник медпункта – толстый низенький потный дядька, почему-то страшно гордившийся тем, что он по национальности ассириец. И этот нацмен начинал так сопеть, выспрашивая девчонок о том, что у них болит, так маслились его маленькие карие глазки, что болящие предпочитали отмолчаться, только бы не «раздеться до пояса» перед ним и не позволить мять и трогать себя этим коротеньким, похотливым докторским пальчикам. Вот и Аня была такой же стыдливой девочкой. Что с того, что ломит по вечерам поясницу, а внизу живота болит до невозможности? Дело молодое, пройдет.

Однако не проходило, и Анина стыдливость дала трещину. Во время следующего приезда лекаря она призналась в недомогании, постаравшись сделать это в присутствии преподавательницы. Врач деликатно повозил пальцами по ее животу и ахнул: «Здесь больно? А здесь? Да у тебя же аппендицит развивается! Поедешь с нами в город, тебе в больницу надо, и как можно скорей!»

«Какое счастье! Да здравствуют аппендициты!» – с восторгом подумала Аня, которая уже досыта накушалась и романтики, и макаронов: хотя копали картошку и ее кругом – завались, студентов почему-то упорно пичкали макаронами: на завтрак, обед и ужин.

– Какой аппендицит? – удивились в поликлинике, куда Аня пошла только наутро, хорошенько намывшись и выспавшись в своей родимой постели. – Ну и коновалы у вас в институте. У девчонки пиелонефрит! В стационар, и поскорее!

Аню положили в больницу, и сначала она печалилась только оттого, что явно не успеет выписаться к началу занятий. Потом… потом началось что-то страшное. Капельницы, переливания крови, уколы, уколы, снова уколы, килограммы таблеток, хмурые лица врачей, мамины слезы… Спустя месяц доктора неохотно признались, что лечили девочку не от того. На самом деле у нее, конечно, не аппендицит, но также и не пиелонефрит. Всего-навсего воспаление придатков. Ошибка в диагнозе – бывает. К сожалению, процесс пошел по трубам в матку и дальше в брюшину, так что возникала прямая угроза перитонита. Правда, большие дозы антибиотиков должны были помочь…

Помогли. Воспаление остановили. Правда, оставили внутри у Ани сущую пустыню. О том, что она стала стерильной, ее в больнице не предупредили. Или врачи не знали, или сочли это такой мелочью по сравнению со спасением ее молодой жизни…

– К сожалению, вы не сможете родить, – сказали ей спустя десять лет. – Такое ощущение, что в вашей матке напалмом все выжжено. Эмбриону там просто не за что уцепиться!

Не за что уцепиться их с Димой ребеночку…

Сначала она никак не решалась сообщить об этом мужу. Но он сам понял: что-то случилось. Кое-как вызвал Аню на откровенность, а потом плакал вместе с ней, будто мальчишка, у которого отобрали игрушку. Только сейчас оба поняли, как хотели, оказывается, ребенка. Дитя увенчало бы их любовь, а вместо этого…

– Мы все переживем, – наконец мужественно сказал Дима. – Мы любим друг друга, ну что же, это нам такое испытание выпало. Главное – наша любовь.

Легко сказать!

Аня всегда была ревнива, а теперь началось что-то ужасное. К красивым женщинам, которые так и норовили отнять у нее мужа, прибавились их дети. То и дело в голове вспыхивали картины, как вежливый Дима уступает в автобусе место женщине с ребенком, любуется малышом, а потом выходит вместе с ними, не доехав до своей остановки, – и больше не возвращается. Или как сентиментальный Дима любуется через ограду детского сада игрой ребятишек, и какой-то мальчик (девочка) нравится ему больше остальных, и вот появляются родители и начинают забирать своих детей, а за тем мальчиком (девочкой) никто не приходит, и дитя плачет, а Дима утешает его через ограду, вытирает слезы и сопливый носишко, и вот вдруг появляется его мать – женщина неземной красоты, она, извиняясь, рассказывает свою печальную историю: муж, подлец, бросил их с ребенком, она крутится на трех работах, жизнь так тяжела, дитя растет без отца…

Ну и все в том же роде, этакий бесконтрольный полет больного воображения, отчего у Ани начинались истерики, и на голову безвинного Димы выливались такие ушаты упреков и слез, что ей потом самой становилось стыдно. Она рыдала, вымаливала прощение у оскорбленного мужа, проклинала себя, кричала, что он должен ее бросить, что счастье кончилось.

– Нам знаешь что надо сделать? – сказал однажды измученный Дима, у которого уже во рту пересохло от клятв в вечной любви и верности. – Нам надо усыновить ребенка!

И при этих словах Аня почувствовала, что ее превратившаяся в манию ненависть к чужим детям резко пошла на убыль.

* * *

– Трусы-то хоть с нее сними, – проворчал Серый, неодобрительно наблюдая, как Рыжий вскочил на колени рядом с девушкой и начал расстегивать джинсы. – Больно суетишься, еще промажешь.

– А ты не желаешь присоединиться? – Рыжий задрал красное платье и схватился за Лидины бедра потными, горячими руками. И тотчас мелко захохотал, когда она забилась, заметалась по кровати, пытаясь вырваться. – Глянь-ка! Девочке не терпится! Она тебя зовет, Серый. Она хочет сразу с двумя!

Серый смачно плюнул на пол и вдруг пошел к двери.

Лида, разлепив залитые слезами глаза, с неким подобием облегчения смотрела на его сгорбленную, удаляющуюся спину. Если Серый уходит, значит, придется перенести только Рыжего. Нет ничего более мерзкого, чем копошащийся на тебе мужик, а уж если их двое… Тогда лучше умереть сразу… Все равно ведь не пережить такого!

И вдруг с ошеломляющей, ледяной ясностью она поняла, что пережить изнасилование у нее нет никаких шансов. Откуда такая глупая, наивная надежда – что она выйдет из двери с цифрой 14 живая? Рыжий мерзок до крайности, но отнюдь не производит впечатления идиота: он прекрасно понимает, что женщина, подвергнутая побоям и насилию, оказавшаяся при ограблении квартиры любовника, опрометью кинется в милицию – хотя бы затем, чтобы ее не заподозрили в соучастии, не навесили на нее дело! Да и отомстить насильникам захочет. И есть только один способ это предотвратить, заставить ее замолчать.

Они ее сначала запытают, замучают, чтобы выбить сведения об этом тайнике, о котором Лида не имеет ни малейшего представления, а потом, разъярившись от ее непонятного упорства, задавят, задушат, забьют насмерть! Да если бы она знала, если бы только знала, где тайник, она бы двадцать раз сказала об этом, только бы не видеть того, что торчит из расстегнутых джинсов Рыжего!

Она зажмурилась, давясь криком.

Вдруг руки, мявшие Лиде бедра, оставили ее в покое. Кровать резко колыхнулась – это Рыжий соскочил на пол, кинулся в коридор:

– Серый! Ты куда?! Погоди! Ты что, рехнулся – уходить?!

– Ты сам рехнулся, как я погляжу! – донесся до Лиды угрюмый голос Серого. – Мало тебе лялек? Мы сюда зачем пришли? Хрены греть? Мы за делом пришли! Я-то думал, ты и впрямь такой битый-перебитый, как заливал. А ты просто фраер поганый и больше никто. Мозгов у тебя нет, одна палка из штанов торчит. Что, трахнешь ее, а потом подмывать будешь? Сейчас знаешь какая наука? Да по твоей жиже нас найдут, как по отпечаткам пальцев. Охота тебе сесть, да? Охота? Ну а мне – неохота! Ладно, валяйся с этой курвой в койке, лови СПИД! Да мне до нее и мизинцем дотронуться противно – она, говорят, с неграми спала, а это ж первейшие спидоносы! Иди, иди трахайся! А я лучше пока приберу кой-какое барахлишко. Фарфорчик этот… Сонька дело говорит: тут добра на десятки, а то и на сотни тыщ!

– Погоди, Серый! – испуганно зачастил его сластолюбивый приятель. – Ничего не трогай! Это не про нас! Если даже Женька не осмеливался толкануть уникальные вещички знающим людям и наварить на них хорошие бабки, то мы, со свиным нашим рылом, запросто завязнем. С этим барахлом ведь не придешь просто так в комиссионку. Коллекционное шмотье! Женька вернется, живо сунет ментам список похищенного – и готово. Кранты нам! Хоть в Москву свези, все равно найдут. Нет, возьмем, как договаривались, только тайничок. По сорок тысяч баксов на брата – и все, поминай как звали!

– Поминай! То-то что поминай! Уж она, Сонька-то, помянет тебя незлым тихим словом! Ты давай лучше времени не трать, а выдаивай из нее, где тайник! – уже менее суровым голосом ответил Серый, и приятели снова вошли в комнату.

– Выдою! Я уж выдою! – угрожающе посулил Рыжий, поспешно застегивая джинсы и поливая Лиду ненавидящим взглядом.

Она все это время не валялась, конечно, в позе нетерпеливого ожидания, с разбросанными ногами и задранной юбкой: успела скатиться с кровати и, прижимая одной рукой отчаянно нывший живот, а другой пытаясь отклеить пластырь со рта, на цыпочках подбежала к окну.

Боже мой! Да что за система задвижек у Евгения?! Эти штуковины только профессионалу-медвежатнику открывать. А за окном – решетки… Крепко бережет Евгений свои сокровища. А может, у него просто мания преследования?

«А вдруг пожар? – почему-то мелькнуло в голове. – Отсюда же не выбраться, если понадобится прыгать в окошко!»

Подчеркнутый идиотизм этой мысли окончательно вернул Лиде ясность соображения. И за те несколько мгновений, пока Рыжий с подельником бранились в коридоре, успела еще раз оценить ситуацию.

Ясно: она не выйдет отсюда, пока не отыщется тайник. Поиски его будут сопряжены с мучениями – значит, надо сделать все, чтобы мучений избежать. И не вынуждать, ни в коем случае не вынуждать этих двух отморозков снова бить ее – чем меньше зла они ей причинят, тем больше шансов, что потом отпустят живой.

– Ах ты, тварь! – зашипел Рыжий, он как раз вошел в комнату и, похоже, в первый миг чуть не упал в бесчувствии, увидав пустую кровать. – Не улетишь, птичка, и не надейся!

– Погодите, погодите! – бестолково затвердила Лида, выставив вперед руки. – Не трогайте меня! Я правда не знаю, где тайник, но постараюсь его найти – если вы меня отпустите потом. Дайте слово, что отпустите!

– Конечно, отпустим, – с легкостью пообещал Рыжий. – На хрен ты нам сдалась, подруга?

Ох как хотелось ему поверить… Но ничего не оставалось, как проглотить ком слез, рвущийся к горлу, и еще раз оглядеть комнату.

Где же этот поганый тайник?!

Примерно год или два назад ограбили ее соседа, и Лиду пригласили в понятые. Ограбили виртуозно: не прорывались сквозь блокаду замков и сигнализации на входной двери, а вскрыли квартиру скромных пенсионеров, живущих этажом выше и проводивших практически все лето на даче, проделали дыру в полу и таким образом проникли «на объект». Там тоже шла речь о богатом антиквариате – в отличие от робких Рыжего и Серого, у Лидиных земляков, очевидно, имелись надежные каналы сбыта, потому что о похищенных вещах с тех пор не было ни слуху ни духу. А у пенсионеров не тронули ничего – вот разве что дверь сняли с петель да пол разворотили, и оперы, помнится, крепко проходились по поводу современных Робин Гудов.

К слову сказать, Лида тогда изуверилась в мыслительных способностях ментов. А ведь слово «мент» как бы созвучно со словом «менталитет», происходящим от латинского mentalis – «умственный». Где там! Никому и в голову не пришло, что несчастные пенсионеры состояли в сговоре с бандюками и получили хорошую мзду за пролом своей двери и пола. То-то они держались на диво стойко, ни слезинки не проронили насчет попорченного добра, а потом незамедлительно сделали дороженный ремонт в своем старом сарае!

И все же во время того обыска Лида почерпнула для себя немало интересной информации. Один из сыщиков оказался болтлив и охотно рассказывал хорошенькой понятой, что люди на диво неизобретательны и однообразны в устройстве тайников в своих квартирах. Бабульки прячут денежку в белье – это всем известно. Иногда – в грязное белье, которое складывают в стиральные машинки. Вот у него лично теща имела тайничок как раз такого рода. Никто в семье об этом знать не знал, поэтому кончилось все плохо: младший сын на 8 Марта задумал сделать бабуле сюрприз и выстирать скопившееся бельишко. Не то чтобы там погибло много денег, но уж очень обидно…

Встретив со стороны Лиды горячее сочувствие, опер поведал ей, что интеллигенты сплошь и рядом суют купюры в книжки, причем если они сами с течением времени, как правило, забывают, в какую именно спрятали, то у воров

хватает терпения перетрясти всю библиотеку и отыскать-таки рубли или доллары. В последнее время, когда в моду вошло увешивать стены картинами, конверты с деньгами начали приклеивать на оборотной стороне холстов клейкой лентой. Но среди воров все чаще стали попадаться любители искусства… Опер рассказал и о схронах, оборудованных в плафонах люстр. Возможно, у кого-то имелся и положительный опыт на сей счет, однако опер обладал только негативной информацией. Так, в одной квартире денежки загорелись, тут и красть ничего не понадобилось, а в другой воришка, смекнувший, где может быть добыча, полез в плафон – и получил такой удар током, что устроил во всем доме короткое замыкание, а себе – быструю смерть. Еще и хозяина потом привлекли за непредумышленное убийство!

Что касается ограбленного Лидиного соседа, то воры отыскали и его тайник, даром что изобретательный любитель антиквариата хранил заначку в подлокотнике развалистого кресла. Стоило отвернуть кругляшок, скреплявший пышные складки обивки, – и пожалуйста, погружай руку в недра кресла и бери. Хозяин поведал, что взяли тридцать тысяч долларов, но у Лиды осталось такое чувство, что он нарочно занизил сумму…

Это достопримечательное событие своей жизни она и вспоминала сейчас, лихорадочно шаря глазами по комнате Евгения. В устройстве тайников всегда есть своя логика. Психологическая закономерность! Интеллигенты прячут деньги в книги и картины, хозяйственные женщины – в белье или продукты, в холодильники, наконец. Люди высокомерные, считающие себя лучше других, лезут на потолок, к люстрам. Ограбленный сосед обожал смотреть телевизор и, наверное, испытывал особое удовольствие, положив руку на многодолларовый подлокотник кресла.

Какое место в квартире может быть настолько значительно и любимо Евгением, чтобы он устроил там тайник? Почему-то у Лиды не нашлось иного ответа на этот вопрос: кровать. Конечно, кровать! Она вспомнила пряжку ремня, вдавившуюся в ее живот, кое-что ниже этой пряжки, потом грубые руки Рыжего… и не только руки… и конвульсивно согнулась. Показалось, ее вырвет, вырвет прямо сейчас от ненависти ко всем мужикам на свете, созданным нарочно для того, чтобы причинять страдания женщинам. Какой идиот наделил их этим непомерным самомнением, почему они считают себя вправе?!

Ладно. Столько раз возмущенно думано и передумано все это, что не стоит тратить время сейчас на то же самое. Как всегда, надо надеяться только на себя, никакой мужчина здесь не поможет, а жизнь зависит от ее наблюдательности и быстроты мышления. Но ничего, ничего не приходит в голову! И тело подводит – тошнота не унимается, рвотные спазмы стискивают горло.

– Чтой-то с Сонькой, а? – проворчал Серый. – Ее сейчас наизнанку вывернет. Эй, ты что, беременная?

– От кого? – удивился Рыжий. – Я ж ее пальцем тронуть не успел! – И заржал, чрезвычайно довольный своим остроумием.

От ненависти тошнота отступила, однако ослабевшие ноги не держали, и Лида тяжело опустилась на пол, прильнула к нему щекой, уже не обращая внимания на пыль и мусор. Интересно, как ее паршивую сестрицу не раздражала такая грязь? Из-под покрывала свешиваются затасканные простыни неопределенного цвета, а под кроватью валяется собачья подстилка. Хотя нет, назвать это ложе подстилкой язык не повернется. Честное слово, сразу видно, кого по-настоящему любит Евгений! Если с девками своими неделями валялся на одних и тех же линялых простынях, то чехол на подстилке Анри Четвертого из натурального бледно-желтого шелка в синеньких цветочках. Не слабо. И эти цветочки… Вроде бы гербом Бурбонов была лилия? Это, правда, колокольчики, но все равно – из семейства лилейных. И мягко же, наверное, спит Анрио, судя по толщине матрасика. Интересно, он поролоновый или – Лида ничуть не удивилась бы! – пуховый?

Она даже сделала рукой совершенно неуместное движение к матрасу, как бы намереваясь потрогать его, – и замерла. Мысль вспыхнула в голове – поразительная мысль!

«Да ведь тайник Евгения – вот он, – ошарашенно подумала Лида. – Я его нашла!»

Не было никаких сомнений. Иногда ей приходили в голову такие вот судьбоносные догадки, напоминающие озарения, и, по вещему холодку в кончиках пальцев, она всегда знала, что найденный ответ – единственно верный из всех возможных.

Первым побуждением было вскочить, радостно заорать, тыча пальцем в драгоценную подстилку, но тут спазм в избитом животе снова скрутил Лиду, снова пополз к горлу тошнотворный, омерзительный ком, и, корчась на грязном полу, громко сглатывая противную слюну и тяжело жмурясь, она вдруг подумала – такое впечатление, что мысль принадлежит не ей, что она случайно подслушала эту фразу, произнесенную чужим, холодноватым, чуть презрительным голосом:

«Идиотка! Не отдавай им деньги! Заморочь им голову, а деньги возьми себе. То, другое дело, еще вилами на воде писано, а эти деньги – вот они!»

От изумления Лида забыла о боли и лежала теперь тихо, пытаясь освоиться с этой «подсказкой» судьбы. Забыла она также и о своих мучителях – несколько преждевременно, как выяснилось, потому что в следующий миг руки Рыжего с силой вцепились в ее плечи и чувствительно тряхнули:

– Время тянешь? Дурачишь нас? Думаешь, пожалеем тебя? Хрена с два! Серый! Давай шнур!

Лида оглянулась. Мрачный, нахмуренный Серый приближался к ней, держа что-то похожее на черную резиновую скакалку, через которую Лида некогда до одури прыгала во дворе, соревнуясь с подружками: и с поворотиком, и вприпрыжку, и в «забеги в воротца», и на одной ножке. Скакалка сохранилась до сих пор: это лучший тренажер – вес сгонять, вот только соседям снизу он почему-то нравился…

«Откуда у них моя скакалка? – подумала Лида тупо. – И зачем она им?»

Ей незамедлительно дали понять – зачем. Серый проворно сделал на шнуре петлю и накинул ее на шею Лиде прежде, чем та успела отпрянуть.

– Ну, посмотрим, крепкая ли у тебя шейка! – проворчал Серый и медленно стянул петлю на Лидином горле.

Она захрипела, зашарила руками, пытаясь поймать шнур, однако Рыжий крепко стиснул ей запястья.

Петля ослабела. Пережив мгновение сосущей пустоты в легких, Лида со всхлипом хватала воздух, хрипела, вымаливая пощаду.

Рыжий раскраснелся и вспотел. Серый смотрел брезгливо:

– Где бабки? Ну? А то сейчас снова давить начнем!

Лидины губы слабо шевельнулись. Она уже хотела сказать: «В собачьей подстилке!» Но тот же ледяной, чуть презрительный голос приказал ей: «Молчи, дура!» И она повиновалась… может быть, потому, что краешком сознания понимала: откроет тайну – и тогда Серый придушит ее уже всерьез. За элементарной ненадобностью!

Хотя он и сейчас, похоже, не намеревался шутить… Петля затянулась вновь, и внезапно не осталось никаких мыслей – ничего, кроме звона в ушах и огненных пятен перед глазами, которые вдруг затянуло всепоглощающей чернотой.

– Елка-палка, – растерялся Рыжий, вглядываясь в закатившиеся глаза жертвы и видя, как исполненный муки взор погас. – Эй, Соня, ты чего?

Он тряхнул девушку за плечи, и голова ее безжизненно запрокинулась.

– Да ну, это шутка! – напряженным, толстым голосом сказал Серый, пытаясь ослабить петлю, но руки вдруг задрожали и перестали ему повиноваться.

– Ни хре-на себе шутка! – прошептал потрясенный Рыжий, глядя на страдальчески оскаленный рот девушки. – Да она ведь… мать моя, женщина! Сонька-то померла! Ты ж ее убил!

– Почему я? – обиделся Серый. – А ты что – рядышком стоял? Вместе мы!.. А Сонька твоя – дура, дура последняя. Молчала, молчала… Жадность фраера сгубила!

– Это кто здесь фраер?! – вдруг с незнакомым, безумным выражением глаз двинулся на него Рыжий. Он разжал руки, и тело девушки тяжело упало на пол. Но Рыжий как будто этого не заметил: – Кто здесь фраер?! А? Говори!

– Ладно, не психуй, – Серый с отвращением оттолкнул приятеля. – Замри, сказано! Знал, на что шел, – чего теперь детсадника из себя корчишь? Давай быстренько ноги отсюда делать, понял?

Рыжий, шныряя глазами по комнате, нервно тер руками горло, словно Серый душил именно его, а не девушку.

– Понял, – наконец прошептал он и послушно пошел в коридор – почему-то на цыпочках, высоко поднимая ноги, – но вдруг шатнулся к стене, услыхав мощный удар в дверь.

* * *

Это случилось два года назад – Джейсон тогда в очередной раз собрался жениться. Бывали у него в жизни такие периоды, когда задача продолжения рода ставилась его стареющими родителями особенно остро, да и самому делалось как-то… одиноко. Джейсон по гороскопу Дева, то есть самодостаточный работоголик, но что-то все-таки произошло в тот день: магнитная буря, или метеоритный рой пролетел в опасной близости к Земле, или просто, как говаривал русский дедушка, моча в голову вдарила, – однако Джейсон напечатал на своем личном ноутбуке письмо, сам вложил в конверт и сам отправил, не доверяя ни одной из трех секретарш. Все они любительницы мыльных опер – особенно таких, где босс в конце концов женится на своей секретарше. Боже упаси, если узнают о его матримониальных планах!

Письмо, тихонько посмеиваясь над собой, Джейсон адресовал в московскую редакцию газеты «Из рук в руки». Как-то раз купил ее из чистого любопытства – русской прессы теперь много, а Джейсона всегда интересовала его историческая прародина, – и от нечего делать просмотрел брачные объявления. Его поразило количество мужчин, желающих связать свою судьбу именно с русской. Писали почему-то все больше из северных стран: Норвегии, Швеции, Финляндии. Видимо, русских невест там ценили за морозоустойчивость. Среди объявлений попадались очень смешные. В некоторых с точностью до сантиметра указывались параметры невесты, в других назывались немыслимые блюда, которые барышня должна уметь готовить. А один чудак (помнится, из США, штат Южная Дакота) даже перечислил несколько поз из «Камасутры», которыми обязана овладеть невеста. При этом житель Южной Дакоты категорически

настаивал на нерушимой девственности кандидатки…

Джейсон тогда долго и тупо размышлял, как совместить «Камасутру» с девственностью, пока до него не дошло: да ведь южный дакотец (дакот? дакотианец?) просто шутит. Ведь эти объявления никого ни к чему не обязывают. Ну, получишь в ответ десяток писем с фотографиями, ну, посмотришь на хорошеньких девушек…

Дед еще говорил: «За спрос денег не берут». И он очень хотел, чтобы внук женился именно на русской.

Отчасти именно поэтому Джейсон отправил в Москву письмо следующего содержания: «Австралийский бизнесмен с русскими корнями, 37 лет, рост средний, телосложение среднее, глаза карие, волосы каштановые, ищет «тургеневскую девушку» для приятного знакомства, а при взаимной симпатии – и с более серьезными намерениями. Внимательно рассмотрю всякое предложение».

Черт его знает, откуда взялась вдруг эта «тургеневская девушка»! Правда, накануне он как раз перечитывал «Вешние воды»…

Что это, собственно, такое – «тургеневская девушка»? Возникает некий смутный, туманный образ на фоне старинной усадьбы, под сенью раскидистых лип и дубов. Кто она? Елена из «Накануне»? Лиза Калитина из «Дворянского гнезда»? Джемма, Ася? А может быть, вообще Клара Милич? Они все разные, необыкновенно разные! Ну да, непременно темные волосы, застенчивый взгляд, душевная прямота, преданность, умение любить беззаветно… Все это замечательно! Но, с точки зрения современного человека, эти прелестные особы были чрезмерно отягощены комплексами своего века и среды. Зинаида из «Первой любви» уже гораздо ближе к идеалу XX столетия. Зинаида, Анна Одинцова, Мария Полозова, Варвара Лаврецкая – это ведь тоже создания Тургенева! Именно они, а не идеальные, туманные Джемма и Лиза обладали гипнотической, подавляющей властью над мужчинами, подобной той, под которой всю жизнь находился сам Иван Сергеевич. Порабощенный Полиной Виардо и, судя по всему, не имевший ничего против этого сладостного, темного рабства. Отнюдь не искал себе в жизни светлого, холодного идеала, прекрасно понимая: этот идеал не выдержит столкновения с реальностью. Вдребезги разобьется! Одно дело – платонически вздыхать при свете звезд, и совсем другое – сделать мужчину счастливым. И вдобавок самой стать счастливой, не

утратить восторга перед миром среди бесчисленных унылых хлопот, которые обрушивает жизнь на жену и мать.

Почему-то в этом смысле Джейсон больше доверял не Асе, а Анне Одинцовой.

Он вдруг вспомнил, как у Валентина Катаева (Катаева Джейсон тоже высоко ценил и частенько перечитывал, от «Паруса одинокого» до «Вертера») юный Петя Бачей, томящийся от первой любви, «наскоро смешав Татьяну, Веру, Асю, Джемму, оставив загробный поцелуй Клары Милич и прибавив черный бант в каштановой косе, в конце концов получил «ее» – ту единственную, нежную, на всю жизнь любимую и любящую…».

Джейсон невольно захохотал и подумал, что каштановые волосы его бы не устроили. У него у самого они каштановые! Он всегда предпочитал блондинок – как и положено джентльмену.

Поразмыслив, он изменил в тексте своего брачного запроса одну фразу: «…ищет светловолосую «тургеневскую девушку». И отправил письмо, не зная, что посеял бурю.

Еще благодарение господу, что не дал по привычке адрес своего офиса! Стоило только представить себе, как три его любительницы мыльных опер день за днем вскрывают эти бесчисленные конверты, откуда выпадают фотографии неземных красавиц…

Сначала Джейсон прилежно читал письма, потом ему это надоело, и он начал только просматривать фото, поражаясь количеству и качеству женской красоты со штампом «Made in Russia». У него просто глаза разбегались. Каждую, ну натурально каждую из этих барышень можно было брать за руку и вести в Голливуд, чтобы наповал убить местных разборчивых боссов. Но вот беда – сердце Джейсона при виде их не дрогнуло ни разу. Он не очень-то много знал о настоящей любви, но, судя по Тургеневу, сердце должно задрожать. Более того – обязано!

И вот как-то раз…

К тому времени поток писем пошел на убыль. Впрочем, Джейсон уже втянулся в этот ритм жизни: как бы поздно ни возвращался из офиса, обязательно находил час-другой, чтобы полюбоваться очередными красавицами, с сожалением вздохнуть и вписать в заготовленный трафарет имя:

«Многоуважаемая Марина (Людмила, Нина, Татьяна, Светлана и т. д.)! Очень признателен вам за ответ. Вы действительно необыкновенно красивая девушка, и я надеюсь, немало найдется мужчин, желающих предложить вам руку и сердце. К сожалению, я вынужден извиниться за причиненное беспокойство. Еще раз благодарю вас за ваше внимание. С глубоким почтением, ваш искренний друг Джейсон Полякофф».

Очень вежливо и обтекаемо. И очень глупо. Но в самом деле, как должен выглядеть ответ с отказом? Главное, чтобы не обиделась, хотя все равно ведь обидится…

И вот он открыл очередной конверт. Что характерно, не было ничего, никакого предчувствия! Конверт как конверт, с изображением красивой каменной башни и подписью: «Нижегородский кремль. Воронья башня». Клетчатый, от руки и довольно коряво исписанный листок. Из него выскользнула фотография и слетела со стола.

Джейсон недовольно хмыкнул и, помнится, секунду лениво размышлял, наклоняться или нет. Все равно его ждет очередная осечка… Потом все же нагнулся.

Однако снимок отлетел довольно далеко, к самой стене. И Джейсон, чертыхнувшись, полез под стол.

Встал на четвереньки, выгнулся, чтобы не зацепиться спиной, протянул руку, нашарил этот чертов снимок и…

И увидел ее.

Почему-то он даже не стал сразу выбираться из-под стола.

Знаменитый на всю Австралию экспортер шерсти, миллионер Джейсон Полякофф лежал на полу и чувствовал, как дрожит у него сердце. Взрослый, трезвый человек, он прекрасно понимал, что фотография может отчаянно льстить человеку, история знает случаи, когда люди переживали из-за таких вот лживых портретов истинные трагедии! Не Генриху ли Восьмому прислали очаровательное изображение Екатерины Арагонской, а при виде оригинала он с трудом удержался, чтобы тут же не отрубить прекрасной даме голову? Или не повезло кому-то другому? Почему же Джейсон уверен, что ему – повезло?

Не то чтобы она такая уж красавица, хотя, конечно, исключительно хороша, прелестна. Но нечто более сильное, чем красота, сияло в глазах и таилось в уголках улыбающихся губ. Очарование, вот что это. Или нет, возможно, немало нашлось бы мужчин, которые просто с удовольствием взглянули бы на это личико, улыбнулись – и пошли дальше своим жизненным путем, искать свою женщину.

Вот в чем штука! Это была женщина Джейсона! Единственная. Тот идеал, который существует в воображении каждого мужчины.

«Тургеневская девушка», словом.

И звали ее необыкновенно красиво – София.

Соня Богданова.

* * *

Рыжий и Серый выметнулись в коридор и уставились на дверь. В голове Рыжего забилась, заплясала чернота вперемежку с обрывками мыслей: «Кто? Почему? Менты?!» А Серый вообще ничего не успел подумать, он только метнулся к окну – чтобы увидеть отсюда, из квартиры, то, что не раз наблюдал с улицы в бинокль, пока они «вели» эту «точку»: решетки, надежно закрывающие путь к спасению.

А дверь громыхнула еще раз, и тотчас вслед за этим раздался басистый собачий лай. И тут уж грохот и лай смешались в кошмарном хоре.

– Пес его вернулся! – сообразил Рыжий. – Прибежал домой, как ты и говорил!

И он почему-то с ненавистью глянул на приятеля, словно именно тот был повинен в возвращении чертова ротвейлера.

Серый тупо глядел на дверь, ходившую ходуном, думая, что объекта их грабежа определенно надули с этой штуковиной якобы «сейфового типа». Обыкновенная железяка, слегка укрепленная ДВП. Настоящая-то сейфовая этак колыхаться ни в какую не будет. А эта… картонка! Как бы псина не вышибла ее в самом-то деле, эвон как бьется телом о дверь.

– Анри! – послышался в это мгновение пронзительный женский голос. – Мальчик, ты что здесь делаешь?!

Серый невольно передернулся. Его по жизни ужасно раздражали эти жеманные определения собачьих полов: мальчики и девочки. Кобели они и суки, а никакие не мальчики и девочки!

Если бы Серый умел мыслить отвлеченно, он непременно поразмыслил бы на тему, какая чушь лезет в голову человеку, вдруг обнаружившему себя на краю пропасти – в ту самую минуту, когда он меньше всего ожидал. Ведь сейчас они с подельником натурально очутились на краю пропасти! Но Серый не умел мыслить отвлеченно. Он просто стоял и потел, беспрерывно утирая пот со лба.

– Соседка! – едва шевеля губами, пробормотал Рыжий, и Серому стало чуточку легче, когда в полусумраке коридора он разглядел распаренное, словно после бани, лицо дружка. – Ничего, поблажит и уйдет.

Черта с два…

– Анри! – столь же пронзительно зазвучал второй голос: неестественно-ласковый и в то же время трусоватый, каким женщины почему-то часто говорят с соседскими собаками. – Голубчик, ты чего так развоевался?

Анри, понятно, не ответил – снова залаял.

– О зараза, еще одна приперлась! – едва слышно простонал Рыжий, мученически заведя глаза. – Обложили!

– Здрасьте, Алла Ивановна! – поздоровалась первая соседка. – Ну как, сходили в домоуправление? Придет слесарь?

– День добрый, Олеся Петровна, – отозвалась Алла Ивановна. – Да вроде обещали… Ой, нет, Анрюшечка, не надо мои туфли грызть, ты что?! Пошел вон, дурак!

– Да вы не дергайтесь, Алла Ивановна, – довольно хладнокровно посоветовала первая соседка. – Вы дергаетесь, а это его возбуждает.

– Отойди от меня! – Голос Аллы Ивановны взвивался все выше, и Серый страдальчески схватился за виски.

«Сейчас весь подъезд сбежится!»

Лай и визг вдруг затихли.

– Это мои лучшие туфли… – стонущим голосом проронила Алла Ивановна. – Я ж их в «Ле Монти» покупала. Они ж эксклюзивные…

– Плюньте в глаза тому, кто вам это сказал, – посоветовала первая соседка. – В «Ле Монти» только искусственная кожа, а в ней нога преет. Вы, главное, стойте спокойно. Анри не любит искусственную кожу. У Евгения Петровича он все натуральные туфли до подметок изгрыз, а которые искусственные – только немножко продырявил. Потерпите чуть-чуть, он сейчас отстанет.

На какой-то миг воцарилась тишина. Слышалось только упоенное собачье чавканье да чье-то тяжелое дыхание. Серый подумал сначала, что это дышит перепуганная соседка, но потом понял, что это Рыжий, с открытым ртом. Ничего себе – пыхтит, как паровоз. Как бы не услышали на площадке!

Он погрозил напарнику кулаком, и тот захлопнул рот.

– Олеся Петровна… – простонала между тем Алла Ивановна. – Ради бога… уберите этого поганого пса!

– Куда ж я его уберу? – вопросила другая соседка.

– Откройте дверь и загоните в квартиру! По-моему… по-моему, это неправда, что ему не нравится искусственная кожа. К тому же он очень скоро доберется до натуральной. Моей собственной…

– Надо терпеть, – с ноткой злорадства посоветовала Олеся Петровна. – Ничем не могу помочь. Ключа-то у меня нет, Алла Ивановна.

– Как нет? – Голос Аллы Ивановны то переходил на истерический визг, то падал до шепота. – Вам же… Евгений Петрович вам же… всегда оставлял же…

– Всегда оставлял, а теперь не оставил. – В голосе соседки зазвенела обида. – Главное, я ему говорю: «Женечка, вот у меня больное сердце и повышенное давление, я когда вы уезжаете, я с Анри гуляю утром и вечером. Но сейчас такая инфляция, лекарства вздорожали… Боюсь, загнусь на какой-то прогулке!» А он мне: «Да вы давным-давно загнулись бы, если бы не гуляли с моим псом. Моцион продлевает жизнь! Не хотите долго жить – не надо!» И уехал, а ключ оставил этой своей… Соньке Аверьяновой. И вот вам результат. Анри колотится под дверью, а где же Сонька?

Рыжий и Серый разом оглянулись на дверь комнаты, где валялось безжизненное тело с резиновым шнуром на шее.

– Я здесь, – послышался вдруг чуть запыхавшийся голос. – Кто меня тут всуе поминает? Всем здрасьте.

– Сонечка! – взвизгнула Алла Ивановна. – Наконец-то! Умоляю вас!.. Я больше не могу!

– Анри, к ноге! – послышалась команда. – Да к моей ноге, придурок!

Вслед за этим послышался дробный перестук каблуков по ступенькам и хлопок двери этажом выше, из чего следовал вывод: Алла Ивановна наконец

эвакуировала свою натуральную кожу вместе с остатками искусственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Старинное название фарфора в России.

Купить: https://tellnovel.com/elena-arseneva/pravda-vo-imya-lzhi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити